

На правах рукописи

ИЛЬИНА Лариса Евгеньевна

**ДИАХРОНИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА
ПОСТФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА**

5.9.8 – Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Майкоп – 2025

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Адыгейский государственный университет»

Научный консультант: **Павловская Ольга Евгеньевна,**
доктор филологических наук, доцент

Официальные оппоненты: **Каменский Михаил Васильевич,**
доктор филологических наук, доцент,
профессор департамента лингвистики
факультета международных отношений
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский
федеральный университет»;

Кравцов Сергей Михайлович,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой романской
филологии ФГАОУ ВО «Южный
федеральный университет»;

Попова Галина Евгеньевна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры «Иностранные языки и
речевая коммуникация» ФГБОУ ВО
«Астраханский государственный
технический университет».

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск).

Защита состоится «24» октября 2025 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета по филологическим наукам 24.2.267.03 при ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С текстом диссертации можно ознакомиться в научной библиотеке им. Д. А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260, а также на сайте университета ссылка <https://www.adygnet.ru/nauka/aspirantura-doktorantura-dissertatsionnye-sovety/dissertation/7013/>

Автореферат разослан « _____ » _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

 Е.А. Богданова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Лингвистические исследования начала XXI века направлены на решение сущностных проблем современности. Изучение диахронической семантики постфольклорного текста отвечает требованиям научного антропоцентрического подхода.

Данное диссертационное исследование посвящено разработке концепции интерпретативно-сопоставительного представления диахронической семантики постфольклорного текста. Детальное изучение и осмысление параметров проектируемой концепции соответствует теоретико-методологическим направлениям научного поиска по структуризации и систематизации оригинальных результатов лингвистических исследований, углублению научного поиска лингвистики и смежных с ней наук, сохранению высокого уровня теоретических и методологических исследований в области теории языка, прикладного языкознания, теории и практики перевода.

Концепция интерпретативно-сопоставительного представления диахронической семантики постфольклорного текста заключается в следующем: развернутое толкование процессов рассеивания смысла (определение типов семантических процессов) постфольклорного текста осуществляется с помощью алгоритма интерпретативно-сопоставительного представления рассеивания смысла в результате семантических, стилистических, культурных потерь и хромотопного перевода как способа их преодоления. Диахроническая семантика постфольклорного текста есть изменение смыслов отдельных слов и выражений постфольклорного текста и текста в целом с течением времени под влиянием различных факторов с неизбежными семантическими, стилистическими и культурными потерями. Постфольклорный текст определен как семантическая система речевых, ментальных образов, изобразительных и тактильных конструкций, поведенческих практик, связанных с явлениями, событиями, сообществами и территориями, созданная на основе определенной системы знаков, воплощающая смыслы индивидуального восприятия мира и поддающаяся множественным интерпретациям. Смысл слова рассматривается как единица диахронической семантики, динамическое и изменяющееся явление, которое развивается под влиянием временных, пространственных, языковых, культурных и возрастных факторов, изменение (рассеивание (Ж. Деррида)) смысла отражает сложную сеть потенциальных смыслов, расходящихся и перекрещивающихся таким образом, что формулирование и закрепление окончательного определения является невыполнимым. Преодоление неизбежных семантических, стилистических и культурных потерь возможно с помощью хромотопного перевода – каждого нового прочтения и осмысления текста на языке нового времени и/или пространства, в условных границах любого естественного языка или любых языковых пар.

Степень разработанности изучаемой проблемы. Языковые процессы в синхронии и диахронии изучены Н.И. Данилиной (2012), диахронический

анализ применен в работе А.В. Сидельцева (2018) и др.; диахронический аспект языковых явлений изучали С.В. Кезина (2010), Е.В. Краснощеков (2020) и др.; коммуникативное пространство современных паремий в модели «текст – смысл – значение» представлено в диссертации Л.А. Джелаловой (2022); лингворкультурный феномен текстов городской среды представлен в работе И.В.Шалиной (2010), текстовое пространство современной песни исследовала Ю.А. Эмер (2011); проблемы ценностей в языковой картине мира изучали В.П. Синячкин (2011), О.В. Томберг (2019), А.В. Таскаева (2022), М.В. Беляков (2022) и др.; отдельные вопросы функционирования лексики и лексических систем представлены в работах А.Н. Трегубова (2012), С.В. Балакина (2018), Л.Н. Верховых (2022), В.К. Приходько (2022) и др.; взаимосвязанное изучение языка и культуры осуществлено О.В. Николаевой (2011), Е.Е. Юрковым (2012), Н.А. Сергиенко (2023) и др.; аспекты системного формирования разговорной среды интернет-коммуникации изучала Л.П. Сон (2023); проблемы перевода с позиций лингвистики рассматривала Е.В. Чистова (2023) и др.

Несмотря на значительный корпус разноплановых исследований, в настоящее время в современной науке остаются неизученными вопросы, имеющие принципиальное значение для исследования диахронической семантики постфольклорного текста, а именно изменения в смыслах речевых единиц, заложенных в отдельных элементах текста и в тексте в целом. Необходимо исследовать то, как семантические значения эволюционируют и претерпевают изменения под влиянием временных, пространственных, культурных, субъязыковых и возрастных факторов. По нашему мнению, это обстоятельство объясняется многообразием, постоянным обновлением и неконтролируемым производством постфольклорных текстов, сложностью их классификации, отсутствием ценностного отношения к постфольклорным текстам носителей языка, необходимостью перевода (пояснения) текста с учетом временных, пространственных, культурных, субъязыковых и возрастных различий.

С учетом обозначенных нерешенных вопросов проектирование интегративной концепции интерпретативно-сопоставительного представления процессов рассеивания смысла постфольклорного текста как следствия семантических, стилистических и культурных потерь и хронотопного перевода как способа преодоления указанных потерь представляется своевременным и оптимальным решением для осмысления диахронической семантики постфольклорного текста.

Актуальность настоящего исследования обусловлена, прежде всего, спецификой материала исследования – мультимодальными лингвистическими и экстралингвистическими особенностями постфольклорных текстов. Интерпретативно-сопоставительное представление процессов рассеивания смысла, заключенного в постфольклорном тексте, объективирует информацию о механизмах деконструкции традиционных смыслов, выражаемых с помощью языковых средств, проявлении новых способов кодирования и декодирования

текстов и будет способствовать формированию ценностного отношения к постфольклору как закономерному этапу эволюции текста эпохи постмодерна.

Мультимодальные особенности постфольклорных текстов позволяют привлечь исследования, посвященные концепции деконструкции (разрушения) смысла – процесса выявления противоречий между смыслом, содержащимся в тексте, и тем, что текст выражает, подчиняясь нормам языка-посредника [Деррида, 2007, 2012; Derrida, 1967; Barthes, 1964; Барт, 1989; Serres, 2001; Витгенштейн, 1994; Ильин, 1996; Саничева, 2017; Geeraerts, 2010; Потенбя, 1990, 1993; Розанова, 2004; Болдырев, 2001, 2002; Дейк, Кинч, 1988; Макаров, 1991], пространственно-временным характеристикам текста [Ухтомский, 2002; Бахтин, 1975], полисемии прочтения текста и трудностям перевода [Лосев, 1983; Арутюнова, 1988; Церлюкевич, 2009; Андриенко, 2017; Дудик, 2011; Аверкина, 2012; Баганова, 2012; Латышев, 1981; Рецкер, 2010; Гарбовский, 2007; Яковлева, 2008].

Не оспаривая значимости многочисленных и разносторонних исследований постфольклора, характеризующих его философские, исторические, социально-коммуникативные и антропологические особенности [Пропп, 1976; Толстой, 1995; Genner, 1912; Дандес, 2003; Brunvand, 2002; Морен, 2013; Неклюдов, 2005; Maranda, 1967; Мелетинский, Неклюдов, Новик, 1994; Архипова, 2004; Щуров, 2007; Адоньева, 2018; Левинтон, 1998; Зуева, Кирдан, 2002; Winkel, 2017; Campion-Vincent, Renard, 2002; Renard, 2013; Белова, 2006; Шмелев, 1977; Мелетинский, Неклюдов, Новик, 1994; Лойтер, 2001; Путилов, 1994; Ильин, 1996; Почепцов, 2001; Roberts, 2009; Brunvand, 2002; Дубин, 2022; Лурье, 2000; Зеленин, 1934; Noppal, 1980; Махов, 2021; Adamzik, 2004; Граматчикова, Хоруженко, 2017], описание диахронической семантики постфольклорного текста мы относим к числу менее изученных вопросов, комплексная разработка которых должна способствовать упрочению диалога между поколениями и культурными сообществами, а также внедрению в современную антропоцентрически ориентированную лингвистику новых моделей изучения процессов рассеивания смысла как следствия семантических, стилистических и культурных потерь. Кроме того, в современной лингвистике **актуальной** остается проблема применения понятия рассеивания смысла в гуманитарных науках и описания семантических, стилистических, культурных потерь – процессов, в ходе которых первоначальный смысл текста утрачивается или искажается из-за различий в интерпретации; временных, пространственных, культурных, субъязыковых и возрастных различий; различий исходного и конечного тестов, обусловленных несоответствиями языковых систем.

Объектом исследования выступает постфольклорный текст как семантическая система речевых, ментальных образов, изобразительных и тактильных конструкций, поведенческих практик, поддающихся множественным интерпретациям.

Предметом исследования является диахроническая семантика постфольклорного текста как актуализация феномена изменения смыслов под

влиянием временных, пространственных, культурных, субъязыковых и возрастных факторов.

Материалом исследования явились постфольклорные тексты, собранные автором в процессе поисковой работы, преподавательской деятельности, публичных лекций, частных бесед с респондентами (2014-2024 гг.); материалы частных архивов, а также тексты, широко представленные в лингвистических, лексикографических, краеведческих, лингвострановедческих, научных и научно-популярных печатных источниках и размещенные в свободном доступе в сети Интернет (более 30000 текстовых примеров). Частные беседы проводились среди жителей, студентов и преподавателей высших учебных заведений, учащихся средних профессиональных и общеобразовательных заведений Оренбурга и Оренбургского района. К процессу сбора и первичной обработки текстов привлекались бакалавры и магистранты Оренбургской духовной семинарии (2016-2024) и Оренбургского государственного университета (2014-2022). За эти годы студентами направлений подготовки 45.03.02 Лингвистика и 45.04.02 Лингвистика Оренбургского государственного университета под руководством Ильиной Л.Е. было защищено более 10 выпускных квалификационных работ по исследуемой проблеме, апробация результатов которых проходила на международных и всероссийских научно-практических и научно-методических конференциях. Собранные тексты были классифицированы на основе учета предполагаемого времени их создания: период повсеместного распространения аналоговых данных (до 1970-1990 гг.), период всеобщей компьютеризации (до 2000-2010 гг.) и период всеобщей интернетизации (2010 и по настоящее время).

Постфольклорный текст понимается как семантическая система речевых, ментальных образов, изобразительных и тактильных (предметов материального мира) конструкций, поведенческих практик, связанных с явлениями, событиями, сообществами и территориями, созданная на основе определенной системы знаков, воплощающая смыслы индивидуального восприятия мира и поддающаяся множественным интерпретациям. Целенаправленное исследование диахронической семантики постфольклорного текста требует комплексного обобщения лингвистических и экстралингвистических характеристик рассеивания смысла и построения интегративной концепции интерпретативно-сопоставительного представления процессов изменения смысла постфольклорного текста, произошедшего в результате семантических, стилистических и культурных потерь и хронотопного перевода как возможного способа преодоления указанных потерь.

Вслед за С.Ю. Неклюдовым, мы выделяем критерии, позволяющие отличить постфольклорный текст от других видов текста: постфольклорный текст создан в период с конца XIX века по настоящее время; постфольклорный текст не является произведением официально санкционированной (элитарной) культуры; постфольклорный текст производится профессионалами «для сбыта» и создается самими носителями постфольклора «для потребления»; постфольклорный текст не призван удовлетворять фундаментальные

идеологические потребности населения (фундаментальные идеологические потребности населения в большей степени удовлетворяются средствами массовой информации, в меньшей степени – кино и другими зрелищами, еще в меньшей – популярной литературой); постфольклорный текст соответствует социальным, профессиональным, клановым, возрастным расслоениям общества; постфольклорные тексты не существуют в виде чистого репертуара текстов или обрядовых действий; тексты разнородны по своему составу и происхождению; имеют различные формы; синкретичны (постфольклор состоит из разнородных элементов, но является целостным явлением); постфольклор (в целом) полицентричен [Неклюдов, URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/postfolk.htm>].

В соответствии с разработанной методикой диахронического анализа на основе этимологического, контекстного и корпусного анализов осуществлено определение статуса лексико-семантических вариантов слов и выражений, выявленных в массиве постфольклорных текстов (около 2000 случаев изучаемого явления, отобранных из 1200 текстов), с помощью психолингвистического эксперимента было установлено, как смыслы постфольклорных текстов воспринимаются в текущий момент; анкетирование позволило собрать значимые данные об употреблении слов в разных социальных группах и о степени их закрепления в языке.

Результатом разработки новой интегративной концепции интерпретативно-сопоставительного представления процессов рассеивания смысла постфольклорного текста явилась динамическая модель хронотопного перевода, отражающая преодоление семантических, стилистических, культурных потерь.

Верифицирующая апробация процессов рассеивания смысла постфольклорного текста была осуществлена на основе анализа семантических, стилистических, культурных потерь, выявленных в ходе хронотопного перевода в условных границах одного языка (русского): 1329 случаев изучаемого явления в 1222 текстах; в условных границах определенных языковых пар – 580 случаев в 513 текстах, из них соответственно: в языковой паре французский – русский – 240 примеров в 218 текстах, в языковой паре русский – французский – 208 случаев в 189 текстах, в языковой паре испанский – русский – 62 случая в 52 текстах; в языковой паре русский – испанский – 50 случаев в 38 текстах и в языковой паре английский – русский – 20 случаев в 16 текстах. В диссертации теоретические положения проиллюстрированы примерами более 200 текстов, из которых извлечены и проанализированы более 250 случаев изучаемого явления. Для проведения верифицирующей апробации процессов рассеивания смысла отбирались исходные тексты объемом от 7-14 слов до 100-180 слов.

Гипотеза исследования. Для преодоления рассеивания смысла слов и выражений постфольклорных текстов при каждом новом прочтении выполняется хронотопный перевод, необходимый даже в рамках одного языка; в условных границах языковых пар сначала выполняется хронотопный перевод

исходного текста на языке оригинала, затем – хронотопный перевод на переводящем языке и только потом формулируется окончательный перевод – конечный (целевой) текст на языке перевода. Различные пласты лексики проявляют разную степень рассеивания смысла, минимальным рассеиванием смысла обладают термины; литературная и нейтральная лексика – средней степени; художественная и поэтическая – высокой. Инвективная (ненормативная) лексика, как и термины, характеризуется однозначностью, стабильностью, системностью и поэтому обладает минимальным рассеиванием смысла. При каждом новом обращении к постфольклорным текстам, содержащим инвективную лексику в рамках одного языка, выполнение хронотопного перевода не требуется.

Цель исследования заключается в разработке концепции интерпретативно-сопоставительного представления диахронической семантики постфольклорного текста.

В соответствии с поставленной целью **задачами исследования** являются:

1. Обосновать теоретические и методологические предпосылки исследования диахронической семантики постфольклорного текста.
2. Конкретизировать понятия *диахроническая семантика, смысл, постфольклорный текст*.
3. Описать рассеивание смысла как лингвистическое явление и обосновать понятие *хронотопного перевода*, установить параметры, доступные для их анализа.
4. Определить ценностное лингвокультурное содержание постфольклорного текста как явления социальной действительности, отражающего его нормативную (оценочную) сторону; сформировать массив постфольклорных текстов.
5. Системно описать семантические коды и особенности функционирования постфольклорных текстов.
6. Классифицировать постфольклорные тексты с учетом авторства, образа рассказчика, способов обращения с текстами, формы постфольклорных текстов, использования в их создании и распространении современной цифровой техники, каналов и носителей информации, средств коммуникации.
7. Проанализировать специфику рассеивания смысла и семантики текста ввиду множественности смыслов, порождаемых в процессе функционирования текста.
8. Создать и апробировать методику диахронического анализа постфольклорного текста, включающую изучение статуса лексико-семантических вариантов слова на основе этимологического, корпусного и контекстного анализов слов и выражений, выявленных в массиве постфольклорных текстов, и на основе проведения психолингвистического эксперимента.
9. Разработать динамическую модель хронотопного перевода в условных границах одного языка, языковых пар и методики изучения

сценариев хронотопного перевода как способа преодоления семантических, стилистических, культурных потерь для одного языка и любых языковых пар.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют положения, сформулированные в русле *философии языка* [Бахтин, 1996; Барт, 1989; Витгенштейн, 1994; Гумбольдт, 1984; Лотман, 2002; Фреге, 1997; Фуко, 2004; Эко, 2006, 2019], *теории ценностей* [Ницше, 2007; Кирьякова, 2018; Зенин, Жиров, 2009; Шапинская, 2015; Попова, Бокова, 2012; Погосян, 2019], *лингвоаксиологии* [Мосиенко, 2011, 2014; Ильин, 2005], *теории текста* [Lakoff, Johnson, 2003; Гальперин, 2007; Арнольд, 2019; Пропп, 1976; Барт, 1989; Лотман, 1998; Золян, 2014б], *теории интерпретации* [Бахтин 1996; Пирс, 2009; Моррис, 1982], *диахронии и синхронии* [Соссюр, 2004; Bréal, 1897; Виноградов, 1995; Rosch, 1975; Кубрякова, 1968,; Плунгян, 1998; Блумфилд, 1968; Бодуэн де Куртенэ, 1963; Крушевский, 1998], *диахронической семантики* [Ogden, Richards, 2001; Wundt, 1913; Калимуллина, 2009; Золян, 2014б; Апресян, 2009; Гак, 1972, 1998; Демьянков, 1994, 1999; Падучева, 2018; Ярошенко, 2023], *семантики и прагматики* [Bréal, 1897; Апресян, 2009; Бенвенист, 1974; Виноградов, 1995; Степанов, 1997; Якобсон, 1985; Лурье, 2000; Камчатов, 1998; Арутюнова, 1988,; Матвеева, 2003; Алефиренко, 2018; Вежбицкая, 2011; Падучева, 2018; Пирс, 2009; Моррис, 1982], *исследований энтропии текста* [Эко, 2019; Narashimha, 1994; Левый, 1975; Лотман, 1998; Губайл, 2019; Шелестюк, Щетинкина, 2023; Павловская, 2023; Рогожникова, 2010; Гусаренко, 2021; Олешков, 2005, 2007], *концепции деконструкции и рассеивания смысла* [Деррида, 2007, 2012; Barthes, 1964; Барт, 1989; Serres, 2001; Витгенштейн, 1994; Потебня, 1993; Розанова, 2004; Болдырев, 2002; Дейк, Кинч, 1988], *семиотики* [Степанов, 1997, Барт, 1989; Лотман, 2002], *области словесности, тексты которой не подходят под формальное определение фольклора* [Пропп, 1976; Толстой, 1995; Genner, 1912; Мелетинский, Неклюдов, Новик, 1994; Архипова, 2004; Петренко, 2017; Успенский, 2018], *полисемии прочтения текста и теории перевода* [Derrida, 1967; Лосев, 1983; Комиссаров, 2002; Бархударов, 1975; Швейцер, 1988; Федоров, 1983; Церлюкевич, 2009; Павловская, 2021; Андриенко, 2017], *теории речевых актов* [Апресян, 2009; Серль, 1987; Остин, 1987], *теории повседневности* [Лефевр, 2015; Бурдые, 2001; Ионин, 1998; Кнабе, 1989; Лелеко, 2002], *различных аспектах изучения языка в патологии* [Жельвис, 2001; Стернин, 2011; Hymes, 1972; Китаев-Смык, 2021], *психолингвистики* [Rosch, 1975; Потебня, 1990, 1993; Выготский, 2021], *когнитивной лингвистики* [Кибрик, 2003; Lakoff, Johnson, 2003; Дейк, 2015], *социолингвистики* [Виноградов, 1995; Балли, 1965, Мечковская, 2007; Швейцер, 2012; Ларин, 1977] и т. п.

Теоретико-методологические основания диссертации сформулированы с учетом диалектических противоречий между: широким диапазоном лингвистических, лингво- и социокультурологических исследований языковых явлений и сравнительно более узким диапазоном исследований, посвященных развитию языка в патологии; культурной ценностью постфольклорных текстов, широтой их распространения и отсутствием ценностного отношения к ним

носителей языка; многочисленностью инвективной лексики, содержащейся в постфольклорных текстах и современной речи, и неосведомленностью носителей языка о заложенных в ней смыслах.

Для снятия указанных противоречий и обоснования исследуемых явлений, конкретизации ряда понятий и установления параметров, доступных для их анализа, применялись общенаучные **теоретические** и **эмпирические методы**; для сбора постфольклорных текстов и первичной систематизации материалов исследования были использованы методы опроса, полевого исследования, метод этносемиометрии; описательные методы (наблюдение, включенное наблюдение, сопоставление, обобщение и классификация); для изучения концепции рассеивания смысла и множественности прочтений использовались методы критического анализа и интерпретации как ведущие методы лингвистической прагматики; был применен метод диахронического анализа, включающий методы этимологического, корпусного и контекстного анализов; для верификации функционирования постфольклорных текстов и рассеивания их смыслов были проведены психолингвистический эксперимент и анкетирование; для обоснования динамической модели хронотопного перевода применялся метод лингвистического моделирования; для представления результатов апробации процессов рассеивания смысла были использованы методы и приемы математической лингвистики и компьютерной графики, обеспечивающие верификацию результатов проводимых изысканий.

Для интерпретативно-сопоставительного представления процесса рассеивания смысла мы применили метод пропозиций, метод деконструкции и измерение энтропии как меры неопределенности системы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Предложенная концепция интерпретативно-сопоставительного представления диахронической семантики постфольклорного текста позволяет установить тип семантических процессов рассеивания смысла постфольклорного текста и характер семантических, стилистических, культурных потерь в ходе хронотопного перевода как способа их преодоления.

2. Рассеивание смысла как лингвистическое явление отражает сложную сеть потенциальных смыслов, расходящихся и перекрещивающихся таким образом, что формулирование и закрепление окончательного определения является невыполнимым.

3. Хронотопный перевод представляет собой процесс осмысления текста на языке нового времени и/или пространства в условных границах любого естественного языка или любых языковых пар.

4. Постфольклорный текст – семантическая система речевых, ментальных образов, изобразительных и тактильных (предметов материального мира) конструкций, поведенческих практик, связанных явлениями, событиями, сообществами и территориями, созданная на основе определенной системы знаков, воплощающая смыслы индивидуального восприятия мира и поддающаяся множественным интерпретациям.

5. Ценность постфольклорных текстов определяется их семантикой, которая опирается на понимание языка постфольклора как сложного образования, существующего в устной, письменной (традиционной) и сетевой формах, построенного на базе живого разговорного языка, тяготеющего к упрощенным моделям синтаксиса и бытовой (разговорной, сниженной) лексике и сленгу. Существование семантических кодов постфольклорных текстов позволяет отнести постфольклорные тексты к произведениям культуры, обладающим ценностью.

6. Интерпретативно-сопоставительное изучение процесса рассеивания смысла с помощью методов пропозиции, деконструкции, энтропии подтвердило сложность и непрезентабельность его количественного выражения и показало необходимость разработки интегративной концепции представления не только процессов рассеивания смысла постфольклорного текста, произошедших в результате семантических, стилистических, культурных потерь, но и способа их преодоления.

7. В соответствии с универсальными семантическими законами интерпретативно-сопоставительное представление семантического процесса рассеивания смысла постфольклорного текста осуществляется на основе расширения (генерализация) или сужения значения (специализация); смещения (метафорический или метонимический перенос) или сдвига значения; ухудшения или улучшения значения [Гак, 1972: 144] и возможных контекстных случаев.

8. Хронотопный перевод постфольклорного текста в условных границах одного языка или любых языковых пар осуществляется с неизбежным рассеиванием смысла в результате семантических (утрата смысла слов и смысла текста в целом, особенностей понимания игры слов), стилистических (изменение выбора лексики, изменение интонации и ритма, непонимание тропов и фигур речи) и культурных потерь (утрата различий в культурных коннотациях, утрата остроты восприятия образов и явлений; несформированность или утрата ценностного отношения к событиям и явлениям).

Теоретическая значимость исследования. Разработанная концепция интерпретативно-сопоставительного представления семантических процессов рассеивания смысла постфольклорного текста с учетом семантических, стилистических и культурных потерь усиливает современную антропоцентрическую научную парадигму, объединяя достижения языковедческих наук: лингвистики, психолингвистики, теории и практики перевода, социо-, антропо- и прагмалингвистики, математической лингвистики для изучения вопросов взаимодействия языка и культуры, языка и общества; усиливает теоретические исследования в таких направлениях, как диахрония и синхрония, речь и речевая деятельность, диахрония языка и диахрония речи, теория текста, энтропия языка и энтропия речи; позволяет совершенствовать лингвистические методы исследования.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- впервые разработана концепция интерпретативно-сопоставительного представления диахронической семантики постфольклорного текста как системы представления изменения смыслов, заложенных в отдельных элементах постфольклорного текста и в тексте в целом; развернутое толкование процессов рассеивания смысла постфольклорного текста осуществлено с помощью разработанного алгоритма интерпретативно-сопоставительного представления рассеивания смысла в результате семантических, стилистических, культурных потерь и хромотопного перевода как способа их преодоления.

- дано авторское определение постфольклорного текста как семантической системы речевых, ментальных образов, изобразительных и тактильных (предметов материального мира) конструкций, поведенческих практик, связанных с определенными явлениями, событиями, сообществами и территориями, созданной на основе определенной системы знаков, воплощающей смыслы индивидуального восприятия мира и поддающейся множественным интерпретациям; при этом установление существования семантических кодов постфольклорных текстов позволяет отнести их к произведениям культуры, обладающим ценностью;

- выявлены факторы, определяющие ценность постфольклорных текстов как явления социальной действительности и их способность отражать нормативную сторону явлений общественного сознания;

- описано понятие смысла как единицы диахронической семантики, развивающейся под влиянием временных, пространственных, языковых, культурных и возрастных факторов, а также изучено явление энтропии (рассеивания смысла) в точных и гуманитарных науках и, в частности, в лингвистике;

- впервые обосновано определение хромотопного перевода как каждого нового обращения к любому тексту, при котором за каждым новым обращением к тексту следует его новое прочтение – перевод на язык нового времени и/или пространства;

- разработана динамическая модель хромотопного перевода в условных границах одного языка и любых языковых пар и установлен алгоритм осуществления хромотопного перевода;

- впервые представлена классификация постфольклорных текстов с учетом авторства, образа рассказчика, способов обращения с текстами, форм постфольклорных текстов, использования современной цифровой техники, средств коммуникации, каналов и носителей информации;

- выявлены особенности диахронической семантики инвективной лексики в постфольклорных текстах с акцентом на развитии языка в патологии.

Практическая значимость исследования заключается в том, что разработанная концепция интерпретативно-сопоставительного представления диахронической семантики постфольклорного текста может применяться в рамках вузовских курсов общего языкознания, теории лингвистических учений,

сравнительно-сопоставительной лингвистики, межкультурной коммуникации, теории и практики перевода, русского языка и культуры речи, при проектировании курсов и учебных программ по изучению взаимодействия языка и общества, языка и культуры. Представленные выводы и результаты послужат повышению интереса к исследованию постфольклорных текстов как знаковых систем, воплощающих смыслы индивидуального восприятия мира и поддающихся множественным интерпретациям, с одной стороны, и деструктивному влиянию инвективной лексики, с другой стороны, обценный стиль которой является лишь поверхностным выражением более серьезных обстоятельств. Вывод о недопустимости использования инвективной лексики будет способствовать развитию культуры дискуссии в обществе в целом, утверждению принципов доминирования логики, фактов и уважительного отношения к различным точкам зрения.

Практическая польза внедрения авторской концепции видится в возможности использования разработанной методики диахронического анализа для комплексного исследования любых массивов текстов, верификации ситуаций и случаев употребления многозначных слов и выражений с помощью этимологического, корпусного и контекстного анализов.

Внедрение авторской динамической модели хронотопного перевода постфольклорного текста, отражающей преодоление семантических, стилистических, культурных потерь, в практику обучения переводу позволит значительно повысить качество подготовки переводчиков и обеспечить более точное и культурно адекватное воспроизведение оригинальных текстов постфольклора на целевом языке.

Степень достоверности исследования и апробация результатов. Основное содержание работы отражено в **46** публикациях, в том числе в **16** публикациях в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, **1** статья в издании *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (WoS, 2020)*.

Среди публикаций **3** монографии: «Паремии о культуре общения в русском и французском языках», Москва, 2020; «Особенности городских легенд, характеризующие их содержание, бытование и динамику изменений», Оренбург, 2022; «Ценностное лингвокультурное содержание и особенности бытования постфольклорных текстов (на примере семейных преданий)», Москва, 2024.

Основные положения диссертации, ее результаты и материалы были изложены в докладах и сообщениях на международных и всероссийских научных и научно-практических конференциях: «Наука и образование: фундаментальные основы, технологии, инновации» Оренбург» (Оренбург 2010), «Аксиология университетского образования» (Оренбург 2011), «И.А. Бодуэн де Куртэнэ и мировая лингвистика» (Казань 2015), «Языковая норма и речевая практика в Оренбургском регионе» (Оренбург 2016), «Российская наука в современном мире» (Москва 2017), «Наука и инновации в XXI веке: актуальные вопросы, открытия и достижения» (Пенза 2018),

«Филологические чтения» (Оренбург, 2019, 2022), «Актуальные проблемы романской филологии» (Минск 2022); республиканских конференций: «Актуальные проблемы речевой культуры будущего специалиста» (Донецк 2020), всероссийских конференций: «Православие и культура славян в Южно-Уральском регионе, посвященной 1150-летию славянской письменности» (Оренбург 2013), «Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: (Оренбург, 2017), «Образование: вчера, сегодня, завтра» (Оренбург, 2018), «Семья в современном мире: памяти В.Б. Голофаства» (Санкт-Петербург, 2019), «Мир Евразии: от древности к современности» (Уфа, 2020), «Таинство слова и образа» (Сергиев Посад, 2023), всероссийских конференций с международным участием: «Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры» (Оренбург 2019, 2022), «Стернинские чтения: Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка» (Воронеж, 2024), «Православие в России и за рубежом: богословие, история, культура, межрелигиозный диалог» (Оренбург, 2025).

Структура диссертационного исследования традиционна: работа в соответствии целью и задачами исследования включает введение, пять глав, заключение, библиографический список и приложение. Библиографический список содержит 494 источника.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность, излагаются цели и задачи, решаемые в диссертационном исследовании, определяются его объект, предмет, материал, методы и приемы, раскрываются теоретическая значимость, научная новизна и практическая ценность, приводятся сведения об апробации промежуточных и конечных результатов.

В первой главе **«Теоретические и методологические предпосылки исследования диахронической семантики постфольклорного текста»** введена проблема изучения рассеивания смысла, заложенного в отдельных элементах текста и в тексте в целом, уточнены теоретико-методологические предпосылки ее изучения в историческом контексте и в ракурсе современных научных изысканий, обоснованы теоретико-методологическая рефлексия проблемы и выбор интерпретативно-сопоставительной концепции исследования. На основе изучения диахронической семантики постфольклорного текста через призму концепции рассеивания смысла выявляется изменение смыслового содержания постфольклорных текстов со временем под воздействием различных факторов.

В *параграфе 1.1* представлен обзор синхронического и диахронического подходов в лингвистике, особенности их применения и интеграции в различных научных дисциплинах [Соссюр, 2004: 47; Реформатский, 1996: 25]. Доказана значимость интеграции синхронического и диахронического анализов, позволяющих установить единовременное состояние языка и проследить связь

между историческими и современными языковыми фактами [Казаева, 2013: 14]. Диахрония языка и диахрония речи представлены важными аспектами лингвистических исследований, раскрывающими процессы и механизмы изменения языка и речи во времени и в пространстве [Виноградов, 1995; Беляевская, 2000; Остин, 1987; Серль, 1987].

В параграфе 1.2 доказывается обусловленность диахронической семантики развитием мышления, культурными изменениями, а также различиями между поколениями людей и территориальными сообществами. Установлено, что культурные и социальные изменения напрямую отражаются в языке; новые концепции и технологии требуют новых слов, а также переосмысления уже существующих. Рассмотрен смысл слова как соотношение объема и содержания понятия и этимологического значения, выражающее устоявшееся в языке и в сознании носителей языка воззрение на предмет или явление [Новиков, 1999, 2007; Гусев, Тульчинский, 1985: 43; Камчатов, 1998: 65]. Установлено, что смысл слова есть возникающая в конкретном речевом акте сущность, в которой интенции говорящего *формируют* смысл слова и *направляют* интерпретацию смысла слушающим. Связь между общим основанием лингвистической значимости и значимостью как аксиологической категорией поднимает вопросы лингвоонтологической проблематики в отражении языком окружающего мира.

В контексте изучения изменений значений слов со временем предложено определение смысла слова как единицы диахронической семантики, динамического и изменяющегося явления, которое развивается под влиянием множества факторов. Смысл слова возникает в момент речи и зависит от контекста и коммуникативных намерений говорящего. Значение есть его лексическое содержание, многократно зафиксированное в языковой системе [Hermann, 1960].

Изменение смысла слова фиксируются в этимологических, семантических, лексикографических словарях и лингво- и социокультурных исследованиях. В результате изучения проблемы рассеивания смысла в философии, философии языка и языкознании высказано предположение, что рассеивание смысла может быть представлено с помощью метода пропозиций, метода деконструкции и через измерение энтропии.

В параграфе 1.3 изучены постмодернистские философские идеи [Постмодернизм..., 2001: 425] и их отражение в культурных и социальных процессах, показано исчезновение в постмодернизме фиксированных, устойчивых метанарративов [Лиотар, 1998]. Описана идея Л. Витгенштейна об определении *смысла слова* его использованием [Витгенштейн, 1994: 93], однако, даже если слово употребляется в новом контексте, его фундаментальное значение сохраняется; ни одно из значений не считается доминирующим или центральным. Обосновано применение метода деконструкции для анализа текстов и идей, который позволяет выявить скрытые предпосылки и апории, расширить рамки изучения языка и письма [Деррида, 2007, 2012; Фуко, 2004; Лябин, 2018; Serres, 2001]. Установлено, что

в лингвистике и диахроническом анализе концепция рассеивания смысла описывает смысл как изменчивое и нестабильное явление, а тексты – как нарративы с множеством потенциальных интерпретаций. Особое внимание сосредоточено на значимой характеристике текста и постмодернистского наблюдения за изменением ценностного отношения к предметам и явлениям – идее (принципе) *рассеивания смысла* (фр. *dissémination*) путем *различания* (термин Ж. Деррида): в контексте философской науки концепция деконструкции Ж. Деррида предполагает, что для полного и точного понимания любого высказывания необходимо вернуть его в исходный контекст, рассмотреть в соответствии с окружающей средой, где оно было сформировано, и анализировать вместе с другими высказываниями того же контекста, уточняя его дискуссионный смысл и цель.

В *параграфе 1.4* изложено понятие энтропии в точных [Колмогоров, 1964: 15; Успенский, 2002: 629] и гуманитарных науках. Естественные языки обладают высокой избыточностью, что делает их устойчивыми к ошибкам и обеспечивает передачу смысла даже в условиях помех; в исследованиях текста энтропия характеризует степень информативности, предсказуемости и структурированности [Жебит, 2018: 80]. Установлено, что энтропия не только отражает уровень беспорядка, но и является движущей силой изменений, когда системные отклонения приводят к трансформациям в языке. Наличие энтропии языка обусловлено его внутренним устройством: открытостью языковой системы, природой культурно-исторического существования, наличием основной функции – способностью выражать мысли его носителей, служить средством их формулирования [Губайл, 2019; Некипелова, 2013; Ильина, Павловская, 2023д]. Выявлено, что в рамках семиотической теории культуры Ю. Лотмана энтропия рассматривается как мера сложности, неопределенности или динамичности культурных текстов и процессов; энтропия связана с тем, как тексты генерируют новые значения, интерпретации, и как они эволюционируют в культурном пространстве века [Лотман, 1998: 19-20]. Изучен опыт М.Ю. Олешкова, который сравнивал «идеальный» вариант разворачивания коммуникативной ситуации с материальным итогом – зафиксированным текстом. [Основы функциональной лингвистики..., 2006: 146-160]. В межъязыковом переводе адекватное управление энтропией позволяет уменьшить неопределенность и повысить когерентность перевода, что способствует более точной передаче смысла оригинального текста [Андриенко, 2017: 77].

Вторая глава **«Семантико-типологическая характеристика постфольклорного текста»** посвящена анализу общей и аксиологической характеристик постфольклорного текста как материала исследования, раскрытию его ценностного лингвокультурного содержания.

В *параграфе 2.1* обосновано лингвистическое понимание ценности, включающее динамику изменения ценностных ориентиров, выражение через язык и речь изменений в ценностных системах общества, интеграцию новых ценностей и вытеснение устаревших; анализируются понятия текстосферы, в

которой тексты постфольклора [Метелинский, Неклюдов, Новик, 1994; Дубин, 2022: 17] являются наиболее несистематизированным и быстрорастущим сегментом, и обосновывается определение постфольклорного текста. Рассматривается особенность постфольклорного текста – использование обобщающего *иносказания, завуалированного образа* [Орлова, 2020], что в языковом выражении проявляется через использование образных выражений и позволяет выразить смысл текста *концептуальной метафорой*.

Понятие ценности связано с определением *нормы* и *отклонением* от нее. Отклонение от нормы рассматривается как *патология* не только в случаях, когда нарушение языковых правил связано с когнитивными, неврологическими или психическими расстройствами, но и как явление, отражающее состояние общества в целом [Вольф, 2002]. В этом контексте отклонения от нормы являются индикаторами социальных, культурных и политических изменений или проблем. Одним из проявлений патологии языка и речи в лингвокультурном контексте является наличие сниженной лексики [Кудрявцев, Куропаткин, 2001]. Обосновано предпочтительное использование термина *инвективная лексика*, поскольку этимологически словоформа *инвективный* образуется через причастную форму *invehens* – *резко выражающийся* (от *investio* – *ввоз, привоз, въезд; нападки*, от *veho* – *везу*) [Латинско-русский..., 1976: 552]. Термин *инвективная лексика* сохраняет первоначальное значение – *нападки* (в смысле вербальной агрессии), *выпад* (как прием речи), и подчеркивает нарушение общепринятых норм и желание шокировать окружающих [Ильина, 2023а]. Содержание инвективной лексики в постфольклорных текстах особенно велико ввиду зарождения и бытования значительной их части в маргинальных слоях общества.

Отмечается повышение научного интереса к инвективной лексике, поскольку «прогрессирует стихийная легализация выражений, всегда считавшихся неприличными и потому запретными» [Валгина, 2003: 117], к функциям и причинам распространения наиболее агрессивной части сквернословия – мата [Стернин, 2011; Штайнер, 2022], к труднообъяснимому терапевтическому эффекту использования мата [Китаев-Смык, 2021].

В исследованиях инвективной лексики отмечается ее близость к речевым актам, равноценными поступкам (перформативам), обценный стиль которых является лишь поверхностным выражением глубинных обстоятельств [Левин 1986: 66-70]. В славянском язычестве инвективная лексика имела отчетливо выраженную культовую функцию, носила ритуальный характер, в повседневной жизни «черная брань», запрещалась [Успенский 1996: 200].

Проведенное исследование показывает, что носители языка способны сознательно отбирать лексику с учетом ситуации общения без потери смысла сообщения. Таким образом, использование инвективной лексики является особенностью и антиценностью постфольклорных текстов [Павловская, Ильина, 2024].

В *параграфе 2.2* доказываемая закономерность построения классификации постфольклорных текстов с опорой на классификации фольклора

[Андреев, 1929, URL: https://vk.com/wall-57460169_5965?ysclid=m7lw129pd6751818982; Maranda, 1967: 80; Пропп, 1976: 35-38]. Уточняется, что постфольклорные тексты существуют в *традиционном (звукобуквенном) предьявлении* и в виде *артефактов* – объектов, несущих информацию и представляющих собой результаты коллективной творческой деятельности, через которые фиксируются и передаются смыслы и образы. *Артефакты* постфольклора существуют в *нематериальной* и *материальной формах*.

Ввиду существования объективных предпосылок возникновения постфольклора в эпоху промышленной революции и постмодерна для обозначения *формы постфольклорных текстов* введены термины, отражающие хронологическую последовательность появления технических средств создания, сохранения и передачи информации: устная форма постфольклорного текста (традиционная, обусловленная физиологическими возможностями человека); письменная/графическая форма (традиционная, обозначаемая выражениями *написать от руки, нарисовать мелом, красками, сделать набросок карандашом*) до периода всеобщей компьютеризации; устная (звуковая) форма (периода аналоговых данных (радио, телевидение, телефон)); визуальная форма (периода аналоговых данных); аудио-визуальные формы (периода аналоговых данных); письменная/графическая форма (компьютерная графика) периода всеобщей компьютеризации, обозначаемая выражением *создать на компьютере*; письменная/графическая форма периода всеобщей компьютеризации и интернетизации: *набрать, создать в программе..., форматировать, копировать, сканировать, редактировать, переслать, сохранить, удалить, сжать, архивировать*; цифровая форма (запись, сохранение и передача текста/звука/изображения (статичного/динамичного) в режиме реального времени на любые расстояния).

Внимательное изучение и критический анализ проблемы позволили разработать следующую классификацию постфольклорных текстов:

- *большие жанры постфольклора: постфольклорная сказочная проза* (мифы и легенды, предания, рассказы «очевидцев», слухи и толки, сплетни, пародии (переделки, пастиши), сценарии); *постфольклорная сказочная поэзия* (городской романс, песни (циклы песен), стихи/песни-пародии, стихи/песни-переделки, рифмовки (любые), записи (подписи, надписи), аудио- видеозаписи, ролики, стрим, тексты сообщений);

- *малые жанры постфольклора (проза и поэзия)*: поздравления, тосты, «крылатые фразы»: афоризмы, пословицы и антипословицы и другие виды паремий; велеризмы, устойчивые сочетания, изображения (статичные и динамичные), демотиваторы, мемы, клише, цитаты и псевдоцитаты, фразы из фильмов, телепередач, рекламы; анекдоты (циклы анекдотов), частушки (циклы частушек), игры, двусмысленные конструкции, каламбуры, аллегии, сборники, альбомы, заговоры (привороты/присушки), запреты/приметы.

Подробная классификация с определением каждого жанра и перечнем отдельных видов текстов/тематик, присущих этому жанру, приведена в

диссертации в виде таблицы. Кроме того, вне таблицы приведено обоснование таких параметров классификации постфольклорных текстов, как *авторство, образ рассказчика и ситуации порождения/передачи/приема* текста, *влияние коммуникационных технологий и современной цифровой техники на создание, трансформацию, передачу постфольклорных текстов, способ обращения с ними, каналы передачи, зоны распространения, участники информационного обмена*. Данные параметры являются значимыми характеристиками постфольклорных текстов, однако для каждого вида текстов показатели будут отличаться.

В параграфе 2.3 выявлены семантические коды постфольклорных текстов, которые являют собой ключи к пониманию связей языка и культуры, системы образов, связанных с комплексом стереотипов, проявляющихся в речи, поступках, поведении, менталитете.

Семантика постфольклорного текста опирается на понимание языка постфольклора как сложного образования, построенного на базе живого разговорного языка, тяготеющего к упрощенным моделям синтаксиса и бытовой (разговорной, сниженной) лексике и сленгу, существующего в устной, письменной (традиционной) и цифровой формах [Гудков, 2004: 40; Греймас, 2004; Ильина, 2023г].

Семантические коды используются для создания, передачи и интерпретации информации в рамках определенной культурной или языковой системы, обеспечивают понимание текста или высказывания, связывая его элементы с контекстом и общими знаниями, разделяемыми участниками коммуникации.

Выявлены закономерности соответствия означающих и означаемых семантических кодов прямых и переносных значений *слов (знаков)* постфольклорных текстов: *прямое языковое выражение* (уровень семантического кода прямых значений) является полисемичным и характеризуется сохранением прочной связи с первым опытом употребления слова; *переносные языковые выражения* (уровень семантического кода переносных значений) формируются в процессе развития общества, языка и мышления и является моносемичными (каждое переносное значение моносемично в определенном контексте). При описании предметов и явлений бытовой сферы коннотации образов и фрагментов мира, выявленных в постфольклорных текстах, всегда более конкретные (уровень семантического кода прямых значений); при описании эмоций и чувств (уровень семантического кода переносных значений) – более яркие, образные и непредсказуемые.

В параграфе 2.4 доказывается, что постфольклорный текст обладает всеми общепринятыми свойствами текста, однако в зависимости от контекста использования, жанровых особенностей и целей коммуникации постфольклорный текст демонстрирует свойства *текстуальности, коммуникативности, кодируемости, интерпретируемости и концептуальности, информативности, транслируемости, поликодовости,*

анонимности, саморефлексивности, ненормативности [Heinemann, Viehweger, 1991: 171; Сепир, 1993: 211; Маслова, 2008: 30; Растье, 2001; Валгина, 2003: 149-150]. Проявление этих свойств зависит от личностных особенностей автора и читателя, времени и места создания текста, культурного фона актуальных событий и общественно-политической ситуации, что определяет, как текст будет воспринят и какие смыслы из него будут извлечены.

Особенностями функционирования постфольклорных текстов с учетом выявленных свойств являются способности отражать *проблематику повседневности* и передавать *образ эпохи* [Ле Гофф, 2000; Лефевр, 2015; Морен, 2013]. Постфольклорные тексты отражают *повседневность*, изображая и описывая предметы, явления окружающего мира, отношения, проблемы и противоречия, которыми живет человек. При анализе постфольклорных текстов были выявлены ценностные комплексы повседневности, которые обнаруживаются в описании бытовых ситуаций, эмоциональных состояний, использовании языковых средств. Образ эпохи проявляется в описании материальных и идеальных объектов, зафиксированных в постфольклорных текстах.

Третья глава **«Особенности рассеивания смысла постфольклорного текста»** посвящена решению общелингвистической проблемы изучения рассеивания смысла в результате семантических, стилистических и культурных потерь и поиску способов их преодоления.

В *параграфе 3.1* осуществлен анализ постфольклорных текстов с использованием метода пропозиций [Glulich, Quasthoff, 1985]. С помощью метода пропозиций выявлены основные идеи, представленные в постфольклорном тексте, их связи с коммуникативными установками говорящего и наличие других актуализаторов речи [Martinez, Scheffel, 2019]. Установлено, что в контексте общения и понимания текста, пропозиция передает смысл через комбинацию составляющих ее элементов, включая смысловую нагрузку слов, структуру предложения, а также контекст, в котором она используется.

В *параграфе 3.2* на основе изучения концепции рассеивания смысла, предложенной Ж. Деррида, доказано, что смысл языковых знаков не фиксирован и неоднозначен, смысл слов и текстов зависит от контекста и интерпретации, что создает постоянное движение смысла, которое невозможно исчерпать полностью [Derrida, 1967; Деррида, 2007]. Применение метода Ж. Деррида в анализе текста позволило выявить бинарные оппозиции, особенности их взаимодействия и пересечения в тексте; были выявлены не только явно выраженные смыслы текста, но и скрытые неоднозначные позиции.

В *параграфе 3.3* критически осмыслены исследования энтропии и установлено, что понятие энтропии выходит за рамки его первоначального значения в точных науках и применяется для анализа культурных явлений и текстов, подчеркивая их динамичность, изменчивость и многообразие интерпретаций. Доказано, что в лингвистике энтропия отражает степень неопределенности содержания текста, связанную с количеством информации,

которая в нем заключена, энтропия влияет на состав индивидуального ассоциативного поля, показатель энтропии количественно характеризует уровень информационной упорядоченности текста как системы.

В *параграфе 3.4* указывается, что на основе апробации теоретических положений, представленных в первой главе, обращения к методу пропозиций, методу деконструкции и измерению энтропии установлено, что данные методы не отвечают поставленной цели исследования. Доказана актуальность разработки концепции интерпретативно-сопоставительного представления процессов рассеивания смысла постфольклорного текста, выбор составляющих диагностического инструментария которой продиктован необходимостью качественного описания рассеивания смысла в результате больших или меньших семантических, стилистических и культурных потерь в конечном (целевом) тексте по сравнению с исходным текстом.

На основании выявления случаев, когда для понимания смысла текста даже на родном языке необходимо пояснение как значений отдельных слов, так и текста в целом, впервые введено понятие *хронотопного перевода* в качестве средства преодоления рассеивания смысла. Применение хронотопического анализа опирается на мнения о том, что наука, искусство и литература имеют дело со смысловыми моментами, которые как таковые не поддаются временным и пространственным определениям [Бахтин, 1975: 289; Ухтомский, 2002]. Но всякое вступление в сферу смыслов совершается через ворота хронотопов [Бахтин, 1986]. Обоснована логика построения модели хронотопного перевода постфольклорного текста на язык нового времени и/или пространства в условных границах *одного языка или любых языковых пар*.

В четвертой главе **«Способы и механизмы изучения рассеивания смысла постфольклорного текста»** представлена методика диахронического анализа постфольклорных текстов как механизма, построенного на основе получения объективных данных о сохранении или утрате смысла слов и выражений постфольклорного текста и изучения статуса лексико-семантических вариантов слова с помощью методики диахронического анализа, включающей этимологический, контекстный и корпусный анализы слов и выражений, выявленных в массиве постфольклорных текстов, а также психолингвистический эксперимент и лингвокультурное анкетирование.

В *параграфе 4.1* доказано, что основанием методики диахронического анализа слов и выражений постфольклорных текстов является наличие различных семантических преобразований в языковой системе [Вежбицкая, 2011: 395, 420]. Диахронический анализ основывается на интерпретации текста как процессе понимания сообщения, при котором читатель или слушатель раскрывает глубинные значения, идеи и намерения, заложенные автором в тексте [Демьянков, 1999: 7-10; Сусов, 1978: 122-138; Колодина, 2001].

Смысл однозначного слова или лексико-семантического варианта многозначного слова представляет составную сущность, включающую *абсолютную ценность* (сам факт существования слова и его способность обозначать фрагмент внеязыковой действительности), а также *относительную*

ценность (способность слова вступать в парадигматические отношения, его стилистическую ценность, внутреннюю форму) и *сочетательную ценность*, обусловленную его категориальной и семантической валентностью [Морковкин, Богачева, Луцкая, 2022]. Доказано, что язык является инструментом, который отражает и формирует представления о культуре и ценностях [Мосиенко, 2011, 2014].

Представлены различные подходы к изучению языковых изменений: утверждение, что в основе языка как проявления психической активности лежит инстинкт самовыражения и стремление к сообщению своих представлений, чувств, аффектов [Wundt, 1913]; идея о семантических универсалиях, обеспечивающих общие тенденции динамики языков в содержательном плане в отличие от лексико-семантических универсалий, которые делают возможной межкультурную коммуникацию [Ульман, 1970: 292], систематический подход к процессам изменения смысла слов [Пауль, 1960: 103-104]. Представлены методика и этапы диахронического анализа слов и выражений постфольклорных текстов.

В *параграфе 4.2* описывается проведение этимологического анализа с помощью метода этносемиометрии первичных форм знака в языке и интерпретации первичных контекстов его употребления. Этимологический анализ способствовал более глубокому исследованию постфольклорных текстов, поскольку в них сочетаются элементы народной, массовой и медиа культуры. Обращение к этимологическим словарям позволяло получить исчерпывающий ответ о происхождении слова, его производных и ближайших родственниках в славянских языках [Фасмер, 1996; Ильина, 2000]. Однако при изучении отдельных слов потребовалось привлечение данных толковых словарей на других языках и переводных словарей [Ожегов, 2005; Толковый словарь С.А. Кузнецова, URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>; Larousse.fr..., URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/conter/>].

Проведение этимологического анализа показано на примере ряда постфольклорных текстов, далее приведен один из них.

Зоино стояние (сокращено). Легенда повествует о событии, произошедшем в канун нового 1956 года в городе Куйбышев (до января 1953 года и после 1991 года – Самара): работница трубного завода Зоя Карнаухова совершила кощунственный поступок: после новогоднего застолья ввиду отсутствия кавалера она сняла в красном углу икону Николая Чудотворца и вошла с ней в круг танцующих. За такое святотатство ее тут же постигла страшная кара: девушка окаменела и стояла без признаков жизни 128 дней. От этого наказания богохульница была избавлена чудесным образом... [Стояние Зоин..., 2010; Петров, 2018].

В ходе анализа постфольклорного текста современной городской легенды «Зоино стояние» потребовался этимологический анализ лексические единицы *святотатство*, *богохульство* и *кощунство* с целью уточнения их смысла и степени синонимичности. Анализ слов *святотатство*, *богохульство* не вызвал затруднений, тогда как анализ слова *кощунство* показал, что его этимология

остается невыясненной. В словаре М. Фасмера содержится только слово *кощун*. М. Фасмер, ссылаясь на мнения других исследователей, указывает: либо слово *кощун* имеет славянские корни (укр., болг. *кощу́н* со значением *насмешник, богохульник*), возможно, от *костить* (в современном русском языке сохранились *костерить, костность, косноязычие, пакость*). Либо *кощун* заимствуется из тюркского, в татарском сохранилось *koştan* – корыстный человек. На некую связь *кощунства* с персидским языком указывал В.И. Даль [Даль, 2007.].

В современном языке под *кощунством* понимается неуважительное высказывание или неуважительные (непристойные) действия по отношению к святым предметам или понятиям, к тому, что ценно для человека как в религиозном, так и в обыденном понимании. Сопоставление переводов слов *святотатство, богохульство, кощунство* на европейские языки в англо-франко-немецко-русском словаре Ф. Рейфа подтверждают происхождение слова *святотатство* от латинского *sacrilegium*, слова *богохульство* от греческого *βλασφημία* и неустановленную этимологию *кощунства* [Рейф, 1863].

Отсутствие прямого указания на латинское и/или греческое слово в словарных статьях, посвященных слову *кощунство*, изучение толкования понятий *святотатство, богохульство, кощунство* в энциклопедиях, этимологических и переводных словарях, обнаружение «перекрестного» толкования (когда, например, для объяснения значения слова *святотатство* используется слово *кощунство* и наоборот), сопоставление общеизвестных документов на языке оригинала и их переводов на европейские языки позволяют утверждать, что понятие *кощунство* является исконно русским; стирание четких границ между понятиями *святотатство, богохульство, кощунство* в русском языке произошло в советский период на фоне господства и широкой пропаганды атеистических убеждений.

В параграфе 4.3 представлены ход и результаты контекстного и корпусного анализов, которые позволили углубить теоретическое понимание постфольклора, его роли и функций в современном обществе, а также выявить смыслы слов, которые могут варьироваться в зависимости от контекста и приобретать уникальные оттенки, не всегда очевидные при изолированном рассмотрении. Указано, что корпусный анализ позволяет отследить изменения смысла слов и их адаптацию в языке, фиксируя появление новых слов и значений. Например, употребление слова *куролесить* в постфольклорных текстах показывает сферу значений его референта:

- Ты много работаешь в последнее время?
- Да, совсем заскучал – работа-дом, работа-дом. Хочется немного покуролесить и развлечься! [Истории из жизни, URL: https://vk.com/dobrue_istorii].
- Решил отвлечься от работы и куролесить по городу, открывая для себя новые места и встречая интересных людей [Истории из жизни, URL: https://vk.com/dobrue_istorii].

Установлено, что *куролесить* происходит от древнерусского *киролъсу* – искаженного древнегреческого *Κύριε ἐλέησον* (*Господи, помилуй*); с приходом христианства в древних русских церквях *Κύριε ἐλέησον* пелось по-гречески, но в народе, греческое *Κύριε ἐλέησον* превратилось в *киролъсу* и стало восприниматься как существительное со значением *нестройное церковное пение*. Поскольку *Κύριε ἐλέησον* повторяется в ходе богослужения много раз, появилось выражение *петь киролъсу* [Фасмер, 1996].

В результате ассоциативного эксперимента получены следующие объяснения значения слова *куролесить* – *дурачиться, развлекаться, забавляться, проявлять неумную активность, вести себя шаловливо, бездельничать, быть беспечным в поведении или развлечениях* и др. По запросу *куролесить* в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) найден 191 пример в 156 текстах. Далее приведены случаи самого раннего упоминания, включенного в корпус, и самого позднего.

В один вечер перед ужином, когда мы в ожидании оного на берегу Десны куролесили различным образом, Сарвил, возвыся голос, сказал:... [НКРЯ (В.Т. Нарезный. Бурсак, 1822), URL: <https://ruscorpora.ru/>].

В общежитии мыкается шатия-братия: Игорь, Ванька, Леля, Неля и Отличник: кто куролесит, кто злоупотребляет, кто учится [НКРЯ (Л.А. Данилкин. Круговые объезды по кишкам нищего. 2016), URL: <https://ruscorpora.ru/>].

На основе анализа примеров из других произведений, созданных между 1822 и 2016 годами, установлено, что слово *куролесить* за 200 лет не изменило своего смысла и в настоящее время сфера его смыслов (значений) включает варианты: *развлекаться; весело проводить время; намеренно делать что-то нелепое и смешное, чтобы повеселиться или повеселить других*.

При вхождении слова *куролесить* в русскую разговорную речь произошло *смещение и расширение* его значения [Гак, 1972: 144-157]. В основе изменений значений лежат ассоциативные связи: связь по противоположности (созвучное пение vs нестройное церковное пение), связь по временной смежности (нестройное пение – петь плохо – вести себя плохо) [Wundt, 1913].

В параграфах 4.4 и 4.5 представлена верификация ситуаций и случаев употребления многозначных слов и выражений с помощью психолингвистического эксперимента и лингвокультурного анкетирования [Залевская, 2015: 42-44; Рогожникова, 2010: 50-54; Никитина, 2016].

Для психолингвистического эксперимента (*параграф 4.4*) были отобраны слова, выражения и тексты-стимулы (включая изобразительные (статичные и динамичные) тексты), которые употребляются в речи наших современников или активно используются в интернет-коммуникации.

Эксперимент проводился в течение нескольких лет в разных целевых аудиториях (школьники, студенты, преподаватели вузов, общественность (представители различных профессий)) как в ходе профессиональной деятельности диссертанта, так и в ходе специально организованных встреч с

группами испытуемых. Предваряя обсуждение результатов эксперимента, отметим, что испытуемые (особенно в группах школьников и представителей общественности) выражали удивление, ознакомившись со списком стимулов. По их мнению, частушки, анекдоты, дворовой фольклор, слухи и содержащаяся в них инвективная лексика не могут являться предметом научного интереса.

Ответы испытуемых при обработке результатов эксперимента распределялись на три категории: *смысл сохранен*, *смысл сохранен частично*, *смысл утрачен*. В данный перечень (общий список) были включены примеры, содержащие инвективную лексику для проверки предположения о том, что инвективная лексика менее подвержена процессам рассеивания смысла и при каждом новом обращении к постфольклорным текстам, содержащим инвективную лексику в рамках одного языка, выполнение хромотопного перевода не требуется. Отобранные стимулы были объединены в четыре раздела: I слова-стимулы и выражения-стимулы, II фразы-стимулы, III тексты-стимулы, IV изобразительные (статичные и динамичные) тесты-стимулы, причем, фразы-стимулы вводились в разных формах дважды и коррелировали между собой, таким образом определялась готовность испытуемых использовать в повседневном общении инвективную лексику.

Результаты психолингвистического эксперимента представлены ниже.

В группе школьников и студентов особенно заметна разница между количественными показателями сохранения и утраты смысла стимулов общего списка и списка, содержащего инвективную лексику. Из стимулов общего списка более понятными (их смысл сохранен) для школьников являются фразы (35,19%), тексты (38,46%) и изобразительные тексты (36,2%). Во фразах, текстах и изобразительных текстах пониманию смысла предложенной единицы постфольклора способствовал контекст (таблица 1).

Таблица 1 – Результаты психолингвистического эксперимента в группах школьников и студентов

Стимулы	Списки	Школьники			Студенты		
	Смысл	сохр.	част.	утрач.	сохр.	част.	утрач.
Слова-стимулы	общий	19,6	39,12	41,28	18,22	45,1	36,68
	инвект.	52,52	39,3	8,18	56,81	34,66	8,53
Фразы-стимулы	общий	35,19	18,7	46,11	31,33	19,25	49,42
	инвект.	55,5	38,45	6,05	57,51	37,25	5,24
Тексты-стимулы	общий	38,46	27,38	34,16	42,25	26,41	31,34
	инвект.	45,32	40,41	14,27	45,48	43,57	10,95
Изобразительные (статичные и динамичные) тесты-стимулы	общий	36,2	28,7	35,1	40,71	34,12	25,17
	инвект.	50,15	39,25	10,6	49,3	45,45	5,25
Ситуации-стимулы (готовность использовать инвективную лексику)		«да» – 47,2; «нет» – 52,8			«да» – 78,15; «нет» – 21,85		

Количественные показатели сохранения смысла стимулов, содержащих инвективную лексику, значительно превышают показатели стимулов общего списка во всех разделах: слова-стимулы 19,6% (общий список) и 52,52% (инвективный); фразы-стимулы 35,19% и 55,5% соответственно, тексты-стимулы 38,46% и 45,32%: изобразительные тексты 36,2% и 50,15%.

В группе преподавателей вузов показатели утраты смысла намного ниже по стимулам общего списка и по стимулам списка, содержащего инвективную лексику. Показатели стимулов общего списка *смысл сохранен* и (в отличие от группы студентов) списка, содержащего инвективную лексику, по всем стимулам выше, чем показатель *смысл утрачен* (таблица 2).

Таблица 2 – Результаты психолингвистического эксперимента в группах преподавателей вузов и общественности (представителей различных проф.)

Стимулы	Списки	Преподаватели			Представители различных профессий		
	Смысл	сохр.	част.	утрач.	сохр.	част.	утрач.
Слова-стимулы	общий	44,13	43,44	12,43	29,14	27,54	43,32
	инвект.	63,21	33,47	3,32	36,54	49,11	14,35
Фразы-стимулы	общий	46,74	38,05	15,21	37,32	28,26	34,42
	инвект.	57,12	38,35	4,53	55,06	37,34	7,6
Тексты-стимулы	общий	47,35	41,29	11,36	29,76	22,03	48,21
	инвект.	59,29	32,28	8,43	53,15	34,52	12,33
Изобразительные (статичные и динамичные) тесты-стимулы	общий	43,72	51,07	5,21	38,41	25,22	36,37
	инвект.	55,58	39,31	5,11	47,44	43,31	9,25
Ситуации-стимулы (готовность использовать инвективную лексику)		«да» – 62, 47; «нет» – 37, 53			«да» - 76,11, «нет» - 23,89		

Самый большой разрыв выявлен между показателями слов-стимулов списка, содержащего инвективную лексику (63,21% – смысл сохранен, 3,32% – смысл утрачен). Также в группе преподавателей самые низкие показатели утраты смысла по стимулу изобразительных текстов. Анализируя предложенные изобразительные тексты, преподаватели замечали и интерпретировали даже самые мелкие детали. В группе общественности (представителей различных профессий) показатели утраты смысла оказались намного выше по словам-стимулам и текстам-стимулам общего списка. Количество реакций *смысл сохранен* на стимулы списка, содержащего инвективную лексику, во всех группах испытуемых выше количества реакций *смысл сохранен* и на стимулы общего списка.

Анализ ответов показал, что 66,23% испытуемых готовы в реальной жизни употреблять инвективную лексику (Рис. 1), что подтверждает концепцию коммуникативной компетентности, включающую внутреннее

понимание говорящим ситуационной уместности речевых единиц и различных стилей речи, жаргонов и сниженной лексики [Hymes, 1972].

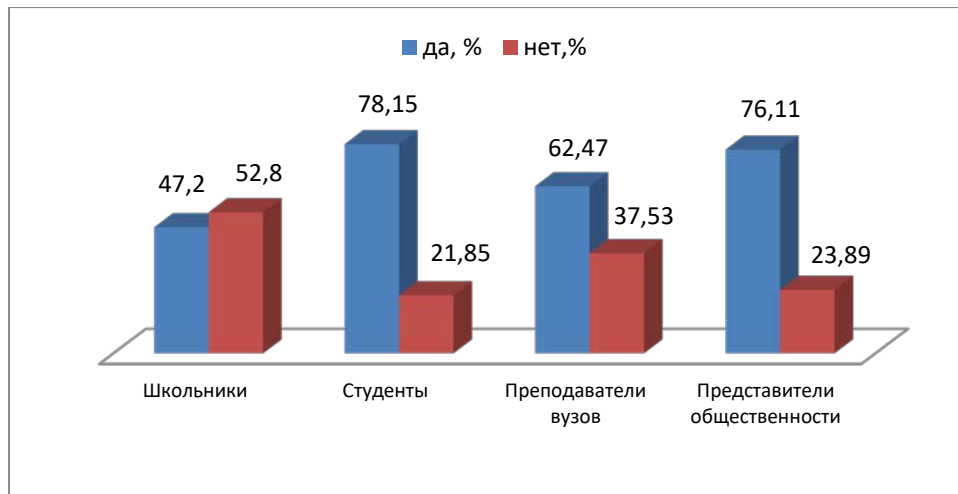

Рис. 1 . Готовность участников эксперимента использовать инвективную лексику.

В параграфе 4.5 представлены результаты лингвокультурного анкетирования. Для проведения анкетирования были отобраны постфольклорные тексты и к ним составлены задания, позволяющие раскрыть (подтвердить) ценность постфольклорных текстов как явлений социальной действительности, их способность реагировать на происходящие события и оценивать их, а также подтвердить повсеместную распространенность постфольклорных текстов и осведомленность всех слоев населения в их содержании и предназначении.

В результате анкетирования, которое проводилось в ходе очных встреч с респондентами и в онлайн-режиме на платформе Google¹, было собрано более 2000 анкет, при обработке которых выделялись возрастные группы: учащиеся средних профессиональных учебных заведений и школьники (14-17 лет); студенты вузов (18-25 лет); преподаватели вузов и представители общественности (от 25 лет и старше).

С помощью анкетирования был изучен лингвоаксиологический аспект постфольклорных текстов и выявлены множественные интерпретации, отражающие смыслы индивидуального восприятия мира респондентами. Смысл индивидуального восприятия мира есть субъективное отражение мира человеком с помощью средств языка, которым человек владеет в большей степени. Субъективное отражение мира соответствует системе ценностей, в координатах которой живет человек. Более 16,5% респондентов в возрасте 14-17 лет, 27,29% респондентов в возрасте 18-25 лет и 55,45% респондентов в возрасте 25 и более лет ответили на половину всех вопросов, т. е. для них более

¹ Анкета «Тексты вокруг нас» [Тексты вокруг нас, URL: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSceCd9SoJfKkN-7HXNHhFwXB9m2S7AR9Xy4ER9mYol_USix1lg/alreadyresponded]

половины смыслов, заложенных в окружающих их текстах, остаются непонятыми.

Развернутые ответы на вопросы по текстам, апеллирующим к общечеловеческим ценностям, получены от 37,3 % респондентов в возрасте 14-17 лет, 30,46% респондентов в возрасте 18-25 лет и 22,43% респондентов в возрасте 25 и более лет %, т.е. смыслы, заложенные в отобранных текстах, для них сохранены.

Респонденты выбирали преимущественно «легкие» вопросы: 46,2% респондентов в возрасте 14-17 лет, 42,25% респондентов в возрасте 18-25 лет и 22,12% респондентов в возрасте 25 и более лет, т.е. «добывание» знаний, поиск ответов для школьников является более обременительным занятием, они готовы проанализировать то, что «лежит на поверхности». Если вопрос требовал дополнительных усилий (сравнения/ сопоставления), респонденты группы 14-17 лет его просто пропускали.

В параграфе 4.6 представлены результаты диахронического анализа слов и выражений постфольклорных текстов. В случае изменения смысла мы выделили следующие типы трансформаций: расширение значения (генерализация) или сужение значения (специализация); синонимическое развитие значений; смещение (метафорический или метонимический перенос значения) или сдвиг значения; улучшение или ухудшение значения; контекстные случаи.

Рассеивание смысла является закономерным внутренним процессом диахронической семантики, рассматривающей семантические процессы и ассоциативные связи, лежащие в их основе.

Выявлены примеры для каждой схемы развития смысла:

- смысл слова сохраняется полностью: *радость, горе, вера, честность* и др.;
- смысл сохраняется частично /изменяется частично: *корж, кокурка (какурка), шаньга* и др.;
- смысл изменяется полностью (случай энантиосемии): *тачка, тварь, урод, с кондачка, ширинка, угол* (ставить в угол), *обирать, ячны* (пирог), *прослушать* (лекцию) и др.;
- слово выходит из употребления: *рында, под* (испечь на поду, *подовый хлеб*), *хайло, высолопить, точа, точать* (сапоги), *миловаться, миленок, лярва, опорок, яшный, женить* (чай), *сгондобить, свивальник, кадр* (парень, в чем-то особенный человек), *закадрить, подойник, дойничка, худоба, лудить, луженый* и др.;
- расширение значения или генерализация: *девушка, молодой человек, отношения, тусить, кощунствовать, фортануло, тьяпать* (тяпка), *отпяпать* (отрезать, оторвать), *намылиться* (направиться), *прочухать, селфи, тролль, троллить, флешмоб* и др.;
- сужение значения или специализация: *челнок, дыбы, дыбошки, точа* (от *ткать*), *игрец, тужурка, залётка, выморозить* (выморозил), *захлестну* («Вместе с голубями захлестну, паразита!»), *чувствовать себя кем-*

то (чувствую себя Юлькой), поставить в угол, тюкнуть (слегка ударить колющим предметом (колющим от слова расколоть)), класс, хакер, дизайнер и др.;

– синонимическое развитие значений: *кадр, дурь, грузить, доставать, тормоз, мелкий, сказочник, толкнуть (продать), склеить девушку и склеить ласты, ушлепок (как синоним слова ублюдок), барахло, прибарахлиться и барахлить, базар, шуба, шубись, топить (баню, печали в вине, котят, педаль газа), топить (ругать, не одобрять чего-либо) и др.;*

– смещение (метафорический перенос значения): *голубой, радуга, толчок (рынок), толкучка (рынок), оторваться, балда (большой молот, кувалда; отсюда – набалдашник) и др.;*

– смещение (метонимический перенос значения): *железо, софт, с кондачка, шерстить, карты игральные с образами персонажей царского карнавала как образы эпохи (карты как артефакт), снять/положить трубку (о мобильном телефоне) и др.;*

– сдвиг (чаще всего временной): *личина, карты игральные с образами персонажей царского карнавала, солить, соли! (глагол в императиве со значением – слегка посыпать мукой), крыша, крышевать, ботаник, вирус, крутой и др.;*

– улучшение значения: *шишига, шерстить, выцыганить заначка (заначить, заныкать), откинулся как творожок (об уснувшем ребенке), канителька уснула (о ребенке), друг и др.;*

– ухудшение значения: *радуга, голубой, личинус, хайло, урод, юродивый, склеить ласты (умереть), вылупиться (Чего вылупился?), лонгрид (опять лонгрид), и др.*

Обнаружены примеры псевдоэтимологии: *с Гулькин нос* – часто ошибочно считают, что *Гулькин* происходит от имени *Гуля*; объяснение происхождения: *с гулькин нос* – размером с клюв голубя, *гули-гули* – традиционное фольклорное наименование голубей (повсеместно); *лучина* от *лучить* (правильно – от сущ. *луч*) и др.

В процессе выполнения диахронического анализа доказано, что для понимания смысла текста даже на родном языке требуется объяснение не только смысла отдельных слов, но и всего текста в целом, поскольку каждое новое обращение к тексту представляет собой его новое прочтение, что эквивалентно переводу на язык современности или другого культурного пространства. Диахронический анализ постфольклорного текста, примененный к словам и выражениям постфольклорных текстов, позволил интерпретировать процессы культурного и социального развития, а также особенности мировосприятия представителей разных поколений и разных социальных групп, отраженные в постфольклорных текстах.

Далее представлен фрагмент сводной таблицы результатов диахронического анализа слов и выражений, обнаруженных в постфольклорных текстах (таблица 3).

Таблица 3 – Сводная таблица результатов диахронического анализа
(фрагмент, сокращено)

Слово	Толкование (психолингв. эксперимент)	Этимологический анализ и толкование (словари)	Корпусный и контекстуальный анализы		Вывод
			Текстов/ примеров	Самая ранняя/ поздняя фиксация, смысл	
ломиться	стучать (громко, нагло) в дверь, вломиться (ввалиться) в комнату	от <i>лом</i> (Фасмер): ломать так, чтобы не распадалось на части	1333/ 1790	1709: дерево финиковое, которое под тяжестью не ломится; 2004: ломится от яств/ломиться в дверь	Параллельно продолжают существовать оба смысла
раздача / попасть под раздачу	подвергнуться наказанию, выговору попасть под горячую руку получить по полной	действие по глаголу <i>раздавать</i> / фразеологизм (Буланин, 2014): подвергнуться избиению, наказанию, выговору	1533/ 2326	1748: великая раздача книг в подарки; 2003: раздача воздуха... Зачем же государству и гражданам такое количество виртуальных, неэффективных льгот?	Энантио-семия
шерстить	обыскивать; искать что-то запрещенное. <i>Менты шерстят всех на дорогах.</i>	от <i>шерсть, щетина, жесткий, шершавый, шевелиться</i> (Даль): копать, производя шорох, подскребывать, шелестеть	67/ 74	1905: подскребывать; 2014: искать повсюду	Ухудшение значения, перенос

В пятой главе «Динамическая модель хронотопного перевода постфольклорного текста» на основе интерпретативно-сопоставительного представления процесса рассеивания смысла подтверждается необходимость разработки динамической модели хронотопного перевода постфольклорного текста на язык нового времени и/или пространства в условных границах одного языка или любых языковых пар.

Доказано, что рассеивание смысла является результатом большей или меньшей семантической, стилистической или культурной потери в конечном (целевом) тексте по сравнению с исходным текстом. Установлено, что

хронотопный перевод создает переход от исходного языка к целевому языку с неизбежной потерей смысла, когда часть сообщения уже не может быть объяснена из-за отсутствия структурных, стилистических или металингвистических средств.

Применен прием компенсации как способ передачи другими средствами элементов смысла, прагматических значений и стилистических нюансов утерянных компонентов смыслового содержания. Доказано, что приемами преодоления рассеивания смысла в хронотопном переводе становятся нарушение общепринятых норм, избегание «ожидаемых» решений, реконструирование или предвосхищение параметров иных временных и пространственных координат.

В параграфе 5.1 для создания динамической модели хронотопного перевода обоснованы *позиции временной* (речь XIX века – речь XXI века) и *пространственной удаленности* (крупные города – глубинка); *степень культурных различий* (речь интеллигенции – речь среднего класса – речь маргинальных слоев общества); *степень субъязыковых различий* (речь врачей – речь геологов); *степень возрастных различий* (речь подростков – речь их родителей)². Указанные позиции и степени различий задают своеобразную систему координат, где оси *время* и *пространство* позволяют условно изобразить постфольклорный текст, находящийся в любое время в любом месте. Векторы *возраст*, *язык*, *культура* условно обозначают каждого (одного) человека, поэтому они принимаются за третью ось координат, что позволяет нам рассматривать полученную систему координат как пространство постфольклорных текстов.

Векторы *возраст*, *язык*, *культура* позволяют отразить соответственно степени возрастных, субъязыковых и культурных различий. Если принять условные шкалы для расстановки меток на векторах *возраст*, *язык* и *культура*, отметить на векторах точки, соответствующие указанным параметрам человека, создающего (единичный случай для каждого текста) или читающего (корректирующего, пересылающего) (многократное явление) постфольклорный текст, то мы получим треугольники, условно обозначающие профиль создания или каждого нового прочтения постфольклорного текста [Человек и общество..., 1996; Яценко, 1999].

Проецируя треугольник (каждое новое прочтение текста) на оси пространства и времени, мы получаем трехмерную динамическую модель исследуемого явления. В какой-то момент времени один из текстов становится объектом внимания человека определенного возраста, определенной культуры, владеющего определенным языком. В момент нового прочтения исходного постфольклорного текста происходит хронотопный перевод и возникает новый (конечный, целевой) текст, в котором читающим были раскрыты только те

---

² В работе приняты сокращения: Пву – *позиция временной удаленности*; Ппу – *позиция пространственной удаленности*; Скр – *степень культурных различий*; Ссуб – *степень субъязыковых различий*; Свозр – *степень возрастных различий*.

смыслы, которые были замечены и поняты им в силу его возраста, образования, культуры, степени владения языком.

Динамическая модель хронотопного перевода для постфольклорных текстов в условных границах *одного языка* представлена на рисунке 2.

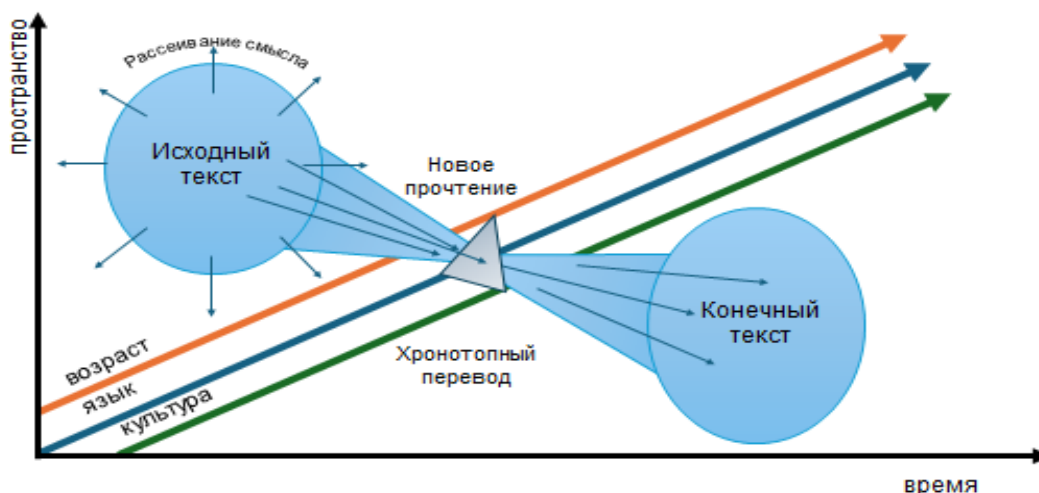

Рис. 2. Динамическая модель хронотопного перевода в условных границах одного языка.

Для уточнения понятия *переводчик* применительно к нашей концепции это явление рассмотрено как функция. *Перевод* и подобные ему действия: *перенос, преобразование, переведение, транспортиция, пересказывание, передача, переложение, пересказ, трансляция* – в современном мире следует рассматривать именно как функцию, опираясь на этимологию термина (лат. *functio* – *исполнение, совершение*); как отношение между элементами, при котором изменение в одном элементе влечет изменение в другом. Перевод как функция охватывает гораздо больше сфер и ситуаций человеческой деятельности, выходит далеко за рамки языкового обмена, охватывая любые процессы, связанные с преобразованием и адаптацией информации. Мы рассматриваем перевод как *нахождение соответствия между:*

- *различными знаковыми системами* (перевод с языка жестов, перевод графиков и диаграмм в текст, математических формул, визуальной информации в описания на естественном языке);

- *языками в пространстве культуры* (перевод юмора и иронии, локальных реалий, традиций, менталитета и других элементов, которые не имеют прямого аналога в другой культуре, адаптация культурных контекстов, идиом и понятий для другой целевой аудитории);

- *языками в пространстве науки, культуры и образования* (адаптация информации для различных целевых групп, например, адаптация результатов сложных научных исследований для школьной программы, для научно-популярных публикаций; трансформация текста книги в сценарий фильма или пьесу для театральной постановки);

– *различными ментальными субстанциями* (перевод непереводаемого, перевод смыслов, перевод настроения в музыку/рисунок, идеи – в восстание, сопоставленных фактов – в обличительную речь).

Доказано, что хронотопный перевод как передача смыслов является по функции именно нахождением соответствия между различными ментальными субстанциями, следовательно, переводчиком в нашей работе называется человек, осуществляющий деятельность по переводу с языка на язык и одновременно по переводу непереводаемого – смыслов, идей, концепций при взаимодействии систем, культур и контекстов.

В *параграфе 5.2* развернутое представление процессов рассеивания смысла постфольклорного текста осуществлено с помощью разработанного алгоритма интерпретативно-сопоставительного представления рассеивания смысла в результате:

- *семантических* (утрата смысла слов и смысла текста в целом, особенностей понимания игры слов);
- *стилистических* (изменение выбора лексики, изменение интонации и ритма, непонимание тропов и фигур речи);
- *культурных* потерь (утрата различий в культурных коннотациях, утрата остроты восприятия образов и явлений; несформированность или утрата ценностного отношения к событиям и явлениям) и хронотопного перевода как способа их преодоления.

В таблицах 4–7 последовательно представлены случаи осуществления хронотопного перевода как способа преодоления семантических, стилистических и культурных потерь на примере различных постфольклорных текстов, а также переводческие комментарии к ним.

Таблица 4 – Семантические потери (утрата смысла слов) на примере текстов частушек (Частушка, сост. В.С. Бахтин) (*фрагмент*)

Исходный текст	Конечный (целевой) текст (результат хронотопного перевода)	Позиция/ степень
<i>Не кукушечка кукует, Не соловушка поет – Родна маменька горюет: Дочка по людям живет.</i>	<i>Не кукушечка кукует, Не соловушка поет – Родна маменька горюет: Дочка живет в работницах у чужих людей.</i>	Пву, Ссуб

Переводческий комментарий:

– *жить в людях* – работать по найму у людей, проживая в их доме; выражение широко бытовало на рубеже XIX-XX веков, когда несостоятельные родители отдавали своих детей-подростков (как мальчиков, так и девочек) в богатую семью, где дети жили и работали за прокорм и содержание, иногда за обучение какому-либо ремеслу.

Таблица 5 – Стилистические потери (многозначность эпитетов, непонимание фигур речи) на примере постфольклорных текстов разных жанров (Предания; Фразы из фильмов; Истории из жизни; Сценарии и др.) (фрагмент)

Исходный текст	Конечный (целевой) текст (результат хронотопного перевода)	Позиция/ степень
<i>черная перчатка</i> (эпитет)	<i>страшная, зловещая перчатка</i>	Скр, Свозр
<i>Пешком постою</i> (оксюморон)	<i>Спасибо, не беспокойтесь</i> (отказ от предложения сесть)	Пву Скр
<i>Да иди ты знаешь, куда...</i> (умолчание)	<i>Я не согласен. Это неприемлемое предложение.</i>	Скр, Свозр Пву
<i>...мама в первый класс привела, а папа с выпускного унес...</i> (параллелизм)	<i>...первое сентября в первом классе, выпускной в 11 классе</i>	Скр Свозр

Переводческий комментарий:

- эпитет *черный* обозначает не только цвет, но особую зловещую и устрашающую характеристику предмета;
- фразы из популярных фильмов часто построены на сочетании несочетаемого (оксюморон);
- умолчание (недосказанность, намек) часто используется в письменной и устной речи вместо использования инвективной лексики;
- параллелизм служит упорядочиванию идей и логическому выделению ключевых мыслей.

Следующий пример демонстрирует сохранение авторского ритма в хронотопном переводе стихотворения А. Ахматовой. Текст перевода «*Ура! Я завтра в школу не пойду*» посвящается учителю литературы. Подобные тексты-переделки носят личный характер. Данный текст свидетельствует о мастерстве переводчика, поскольку в целевом тексте сохранен ритм стихотворения А. Ахматовой «Сегодня мне письма не принесли...» и очень точно переданы (повторены) настроение и пафос исходного текста.

Таблица 6 – Стилистические потери (изменение выбора лексики) на примере стихов-переделок (Полевой материал) (фрагмент)

Исходный текст	Конечный (целевой) текст (результат хронотопного перевода)	П/ С
Анна Ахматова <i>Сегодня мне письма не принесли...</i>	<i>Ура! я завтра в школу не пойду...</i> (Из сценария школьного выпускного)	
<i>Сегодня мне письма не принесли: Забыл он написать или уехал; Весна как трель серебряного смеха, Качаются в заливе корабли. Сегодня мне письма не принесли...</i>	<i>Ура! я завтра в школу не пойду... Казалось бы, есть повод веселиться, Но почему-то больше все грустится, Свою я форму в шкаф не уберу, Хоть в школу больше в ней я не пойду.</i>	Пву, Скр Ссуб

<p><i>Он был со мной еще совсем недавно, Такой влюбленный, ласковый и мой, Но это было белою зимой, Теперь весна, и грусть весны отравна, Он был со мной еще совсем недавно...</i></p>	<p><i>Сдавать зачет, решать ЕГЭ недавно Привычным делом было для всех нас, С тобой мы приходили в светлый класс, – Сейчас о расставанье мысль отравна. Сюда пришли мы, кажется, недавно.</i></p>	(Пву)
--	--	-------

Таблица 7 – Культурные потери (утрата различий в культурных коннотациях) на примере изобразительных текстов (*фрагмент*)

Исходный текст	Конечный (целевой) текст (результат хронотопного перевода)	П/С
<p>Он с <i>Тотошей и Кокошей</i> по аллее проходил (Тотоша и Кокоша – мальчики).</p>	 <p>Рис. 3. Современная иллюстрация к сказке К.И. Чуковского (Издательство «Фламинго», 2009). (Тотоша и Кокоша – мальчик и девочка)</p>	<p>Пву Скр Ссуб</p>

Переводческий комментарий: имеются источники, указывающие, что Тотоша и Кокоша в сказке К. Чуковского «Мойдодыр» – это племянники Антона П. Чехова Антон и Николай, сыновья его брата Александра. Антон П. Чехов писал своему брату: «... кланяюсь... Анне Ивановне, Кокоше и Тотоше. Когда твои беспутные сыновья со временем будут есть у Доминика, то в высшем свете их будут звать: Коко и Тото»³. Однако отметим, что в мультфильме 1927 года⁴ Тотошу и Кокошу изображают как двух мальчиков, в мультфильме 1964 года⁵ они представлены как мальчик и девочка (Рис. 3). Сказка «Мойдодыр» – это авторский текст, но растиражированные тексты, «ушедшие в народ», мы рассматриваем как постфольклорные.

В параграфе 5.2 обобщены результаты апробации модели хронотопного перевода в условных границах одного языка (русского) (всего 1329 примеров в 1222 тестах). На примере текстов частушек, преданий, анекдотов, сценариев, историй из жизни, рифмовок были выявлены *семантические* потери: случаи утраты смысла слов происходили чаще в результате временной удаленности (27

³ См. Письма Чехова за 1875-1904 года. URL : <https://www.anton-chehov.info/pisma-za-1887-god.html>

⁴ См.: Мультфильм «Мойдодыр», 1927 г. URL: https://vk.com/wall-219793647_2661

⁵ См.: Мультфильм «Мойдодыр», 1964 г. URL: <https://diafilmy.su/5689-moydodyr.html>

примеров в 20 текстах); утрата смысла текста в целом в результате пространственной удаленности (24 примера в 21 тексте); на особенности понимания игры слов влияли культурные различия (18 примеров в 18 текстах).

На примере текстов городских легенд, преданий, песен и стихов-переделок, эстрадных текстов-пародий, текстов сообщений (в соцсетях) в условных границах одного языка были выявлены *стилистические* потери: случаи изменения выбора лексики и изменения интонации и ритма в отобранных текстах происходили чаще в результате субъязыковых различий (56 примеров в 56 текстах и 45 примеров в 45 текстах); непонимания фигур речи – из-за пространственной удаленности (55 примеров в 54 текстах) и непонимания тропов – в результате субъязыковых различий (46 примеров в 46 текстах).

На примере текстов частушек, преданий, фраз из фильмов, изобразительных текстов были выявлены *культурные* потери: случаи утраты различий в культурных коннотациях и утраты остроты восприятия образов и явлений в отобранных текстах происходили чаще в результате временной удаленности (27 примеров в 30 текстах и 27 примеров в 26 текстах), утрата либо отсутствие ценностного отношения к событиям и явлениям – в результате пространственной удаленности (32 примера в 29 текстах).

В *параграфе 5.3* обосновано функционирование динамической модели хронотопного перевода в условных границах любой языковой пары. Для постфольклорных текстов в условных границах *двух и более языков* при осуществлении хронотопного перевода будут разворачиваться сценарии всех возможных языковых пар. Языковые пары на схеме обозначены условно *текст на языке оригинала* и *текст на языке перевода*.

При осуществлении перевода в условных границах языковых пар сначала выполняется хронотопный перевод исходного текста на языке оригинала, затем общепринятый межъязыковой перевод конечного текста с языка оригинала на язык перевода и только затем в результате хронотопного перевода формулируется окончательный перевод – конечный (целевой) текст на языке перевода. Для перевода в условных границах языковой пары преодоление рассеивания смысла исходного текста в переводящем языке будет создавать возможности различной трактовки и разного воспроизведения конечного текста, т. е. открываются возможности активного участия переводчика в создании коммуникативно-актуального смысла конечного (целевого) текста хронотопного перевода. Приемами преодоления рассеивания смысла в хронотопном переводе становятся нарушение общепринятых норм, избегание «ожидаемых» решений, реконструирование или предвосхищение параметров иных временных и пространственных координат (Рис. 4).

Речемыслительная деятельность человека, выполняющего хронотопный перевод, будет детерминирована, с одной стороны, объективными характеристиками текста оригинала, возможностями языка перевода и освоенными переводчиком закономерностями и принципами перевода (положения традиционной теории перевода), а с другой стороны –

способностью и готовностью переводчика выходить за границы «заданного» и, прежде всего, преодолевать энтропию текста как меру рассеивания смысла [Павловская, Каририди 2021: 436].

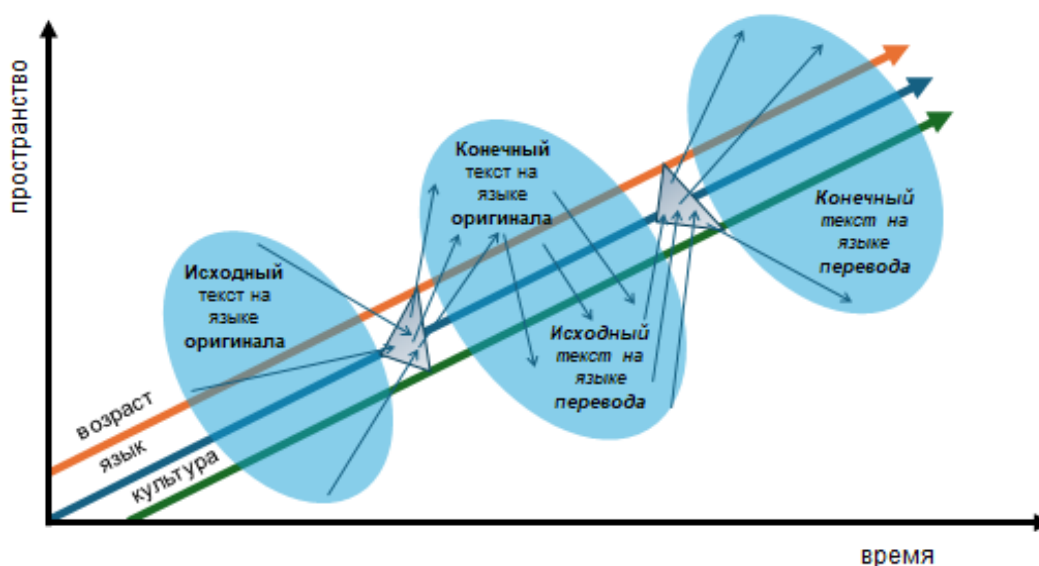

Рис. 4. Динамическая модель хронотопного перевода в условных границах любой языковой пары.

В параграфе 5.4 осуществлено развернутое представление процессов рассеивания смысла постфольклорного текста с помощью алгоритма в условных границах языковой пар (таблицы 8–11).

Таблица 8 – Семантические потери (утрата смысла слов) на примере текстов частушек в языковой паре *русский – французский* (Частушка, сост. В.С. Бахтин) (фрагмент)

Исходный текст на русском языке	Результат хронотопного перевода на исходном языке	Результат промежуточного перевода на французский язык	Конечный (целевой) текст – результат хронотопного перевода	П/С
<p><i>Не кукушечка кукует, Не соловушка поет - Родна маменька горюет: Дочка по людям живет.</i></p>	<p><i>Не кукушечка кукует, Не соловушка поет - Родная маменька горюет: Дочка живет в работницах у чужих людей.</i></p>	<p><i>Ce n'est pas le coucou qui chante (coucoue), Ni le rossignol qui gazouille. C'est la mère qui souffre: Sa fille vit chez des étrangers, travaillant pour eux.</i></p>	<p><i>Ce n'est pas le coucou qui chante (coucoue), Ni le rossignol qui gazouille . C'est la mère qui souffre: Sa fille vit chez des étrangers, travaillant pour eux. Или: Sa fille vit en servitude chez des étrangers.</i></p>	<p>Пву Ссуб Скр Ппу</p>

Переводческий комментарий:

– *кукушечка, соловушка, маменька, дочка* – слова, данные в тексте на русском языке в уменьшительно-ласкательной форме, во французском тексте остаются в стилистически нейтральной форме, использование при переводе прилагательного *petit -te* «утяжелило» бы всю конструкцию;

– определение *родная* к существительному *мать* во французском языке не используется, но в русской лингвокультуре есть противопоставление *родная мать /неродная мать* или *мачеха*, во французской – *la mère – (родная) мать, la belle-mère* – любая женщина, соответствующая положению матери и выполняющая ее функции: *мачеха, свекровь, теща*;

– *des étrangers (чужие)* – незнакомые люди или люди, неизвестные говорящему, чужаки, иностранцы.

– *дочка по людям живет, жить в людях* – заключительная строка частушки вызывает наибольшие затруднения при переводе на иностранный язык, поскольку отражает устаревшую реалию. Поэтому здесь мы считаем необходимым полностью повторить переводческий комментарий, иллюстрирующий перевод в границах одного языка, и отметить, что в русской традиции чаще отдавали *в услужение*, реже – *для обучения какому-либо ремеслу*, поэтому в русской лингвокультуре существуют лексические единицы *мастер* и *подмастерье*, во французской – *master* и *apprenti* (*мастер* и *ученик*).

Таблица 9 – Стилистические потери (непонимание смысла эпитетов) на примере текста предания в языковой паре *русский – французский* (Полевой материал) (*фрагмент*)

Исходный текст на русском языке	Результат хронотопного перевода на исходном языке	Результат промежуточного перевода на французский язык	Конечный (целевой) текст - результат хронотопного перевода на язык перевода	П/С
<i>черная перчатка</i>	<i>страшная, зловещая перчатка</i>	<i>Un gant terrifiant et sinistre (Terrifying, sinister glove)</i>	<i>main de gloire (The Hand of Glory)</i>	Скр Свозр Ппу

Переводческий комментарий: В европейском фольклоре существуют предания и основанные на них детские страшилки, связанные с руками и перчатками. Одной из таких историй является *Рука славы* (фр. *main de gloire*; англ. *Hand of Glory*) Считается, что французское выражение *main de gloire* связано с названием растения мандрагора (лат. *Mandragóra*, фр. *mandragore*). Предания сообщают, что рука повешенного преступника после специальной обработки использовалась в магических целях; такая рука могла парализовать людей, открывать запертые двери, незаметно проникать в дома. Легенды о *Руке славы* были распространены во Франции, Германии и Испании.

Таблица 10 – Стилистические потери (непонимание тропов и фигур речи) на примере постфольклорных текстов разных жанров в языковой паре *русский – французский* (Истории из жизни) (фрагмент)

Исходный текст на русском языке	Результат хронотопного перевода на исходном языке	Результат промежуточного перевода на французский язык	Конечный (целевой) текст – результат хронотопного перевода	П/С
...дети приносят нам одни огорчения. А мы им – другие!	...дети приносят нам <i>некоторые</i> огорчения. А мы им – другие! ...дети приносят нам <i>только</i> огорчения. А мы им – другие!	...les enfants nous apportent <i>des ennuis</i> . Et nous leur en apportons d'autres ! ...les enfants nous apportent <i>certaines ennuis</i> . Et nous leur en apportons d'autres ! ...les enfants <i>ne nous apportent que des ennuis</i> . Et nous leur en apportons d'autres !	Промежуточный перевод равен (=) конечному	Ппу Пву Скр Ссуб

Переводческий комментарий: в выражении *одни огорчения* используется игра слов: *одни* со смыслом *какие-то, определенные*, и *одни* со смыслом *только*, поэтому промежуточный перевод равен конечному, а для пояснения иронии необходим переводческий комментарий.

Таблица 11 – Культурные потери (утрата различий в культурных коннотациях) на примере песен и изобразительных текстов в языковой паре *английский – русский* (Rutube) (фрагмент)

Исходный текст	Конечный (целевой) текст (результат хронотопного перевода)	Позиция/ степень
Far away, long ago, Glowing dim as an <i>ember</i> , Things my heart used to know Things it yearns to remember. <i>Дословный перевод:</i> Далеко отсюда, где-то в прошлом, Мерцают тускло, как угли, Вещи, которые я хорошо знала когда-то, И которые я пытаюсь вспомнить.	<i>Зеркала в янтаре</i> Мой восторг отражают, Кто-то пел на заре Дом родной покидая....	Ппу Пву Скр Ссуб

Переводческий комментарий: песня из мюзикла «Анастасия» о судьбе одной из дочерей Николая II при дубляже была переведена на многие языки, в оригинальном тексте на английском языке есть строки:

Far away, long ago, Glowing dim as an ember... (мерцают тускло, как угли, ...).

Текст на русском языке представляет собой не перевод, а новый текст. Позволим сделать замечание, что, возможно, в первом варианте текст на английском языке включал слово *янтарь*:

Far away, long ago, Glowing dim as an amber... (светятся тускло, как янтарь).

Но при перепечатывании текста или при записи текста на слух в какой-то момент произошла замена: *amber* – *янтарь* был заменен на *ember* – *уголек*. Сейчас этот текст, видео и картинки из одноименных фильма, мюзикла и мультфильма можно найти на многих интернет-сайтах. Возможно, упоминание янтаря является отсылкой к Янтарной комнате Зимнего дворца, значимому элементу российской культуры, связанному с историей царской семьи. Поэтому вполне логично, что в русском переводе присутствует фраза *Зеркала в янтаре мой восторг отражают...*

Подобная замена (*amber/ember*, если таковая имела место) и отсутствие слова *amber* (*янтарь*) в современных текстах песен на английском и других европейских языках являются примером утраты различий в культурных коннотациях. Кроме того, приведенный выше пример можно рассматривать как игру слов-омофонов (*amber* ['æmbə] *янтарь*, *ember* ['embə] – *уголек*).

Рассмотрим фрагмент еще одного постфольклорного текста, в котором прослеживается *утрата ценностного восприятия событий и явлений* (культурные потери) – текст о Бабе-Яге, находящийся на испанском сайте как одно из русских преданий (исп. *leyendas*) [Las 10 mejores leyendas rusas con explicación y significado, URL: <https://psicologiaumente.com/cultura/leyendas-rusas>]. В разборе этого примера подробно представлены этапы хромотопного перевода в условных границах языковой пары *испанский – русский*:

Исходный текст на испанском языке (фрагмент): ... *También se cuenta que en sus piernas se encuentra la representación de los dos mundos por donde transita: el de los vivos y el de los muertos, por lo que puedes observar una pierna normal y una huesuda.*

Результат хромотопного перевода на исходном языке (фрагмент): ... *También se dice que sus piernas simbolizan dos mundos: el de los vivos y el de los muertos. Por eso, una de sus piernas es normal y la otra es de hueso, una pierna muerta, como la de un cadáver con la piel seca.*

Результат перевода на русский язык (фрагмент): ... *Также говорят, что ее ноги символизируют два мира - мир живых и мир мертвых. Поэтому у нее одна нога обычная, а другая костяная - мертвая нога, как нога мертвеца с высохшей кожей.*

Конечный (целевой) текст на русском языке (фрагмент): .... *Также говорят, что ее ноги изображают два мира, между которыми она перемещается: мир живых и мир мертвых. Поэтому у нее одна нога обычная, а другая костяная.*

В данном случае переводческое решение обосновано русской фольклорной традицией. *Костяной* (*костяная нога*) в испанском тексте

передается прилагательным *huesudo* (досл.: *с выпирающими костями; костистый; костлявый*). Выражение *костяная нога*, устоявшееся в русской культуре, изначально понималось буквально – *кости ноги без мышечных тканей и кожных покровов, мертвая нога*. Современные носители русского языка воспринимают эпитет *костяная (нога)* как фольклорную формулу и не акцентируют внимание на символическом значении: *костяная нога показывает связь Бабы-Яги с миром мертвых и ее роль в фольклоре – быть стражем между миром живых и миром мертвых*. Это принципиальная характеристика персонажа, но краткое пояснение вызовет больше вопросов, а подробное описание приведет к нежелательному увеличению текста. Кроме того, детали (*кости ноги без мышечных тканей...*) могут вызвать эстетическое неприятие текста.

В ходе апробации модели хронотопного перевода в условных границах определенных языковых пар (всего 580 примеров в 513 тестах) на примере текстов частушек, устойчивых выражений, текстов сообщений, рифмовок в языковых парах были выявлены *семантические* потери: случаи утраты смысла слов и утрата смысла текста в целом в отобранных текстах происходили чаще в результате культурных различий (19 примеров в 18 текстах и 15 примеров в 15 текстах), на особенности понимания игры слов чаще влияли возрастные различия (13 примеров в 12 текстах).

На примере текстов городских легенд, семейных преданий, популярных песен, туристических сайтов, сценариев и устойчивых выражений в условных границах определенных языковых пар были выявлены *стилистические* потери: случаи изменения выбора лексики происходили чаще в результате возрастных различий (16 примеров в 16 текстах); изменения интонации и ритма происходили чаще в результате возрастных различий (15 примеров в 14 текстах) и в результате временной удаленности (17 примеров в 13 текстах); случаи непонимания фигур речи и тропов – в результате субъязыковых различий (14 примеров в 14 текстах и 13 примеров в 12 текстах).

На примере текстов сценической и экранной культуры, интернет-чатов, мифов и легенд были выявлены *культурные* потери: случаи утраты различий в культурных коннотациях и утраты остроты восприятия образов и явлений в отобранных текстах происходили чаще в результате пространственной удаленности (14 примеров в 10 текстах и 13 примеров в 12 текстах), утрата либо отсутствие ценностного отношения к событиям и явлениям – в результате временной и пространственной удаленности (16 примеров в 13 текстах и 13 примеров в 12 текстах).

Таким образом, в результате проведенного анализа была подтверждена гипотеза исследования: для преодоления семантических, стилистических, культурных потерь, обнаруживаемых при каждом новом прочтении постфольклорного текста (при каждом новом обращении к постфольклорному тексту) необходим хронотопный перевод даже в рамках одного языка. При осуществлении перевода в условных границах языковой пары сначала выполняется хронотопный перевод исходного текста на языке оригинала, затем

межъязыковой перевод и только после этого формулируется окончательный перевод – конечный (целевой) текст на языке перевода.

Инвективная лексика, выявленная в постфольклорных текстах, менее подвержена процессам рассеивания смысла. При каждом новом обращении к постфольклорным текстам, содержащим инвективную лексику в рамках одного языка, выполнение хронотопного перевода не требуется. При осуществлении перевода постфольклорного текста, содержащего инвективную лексику, в условных границах любой языковой пары выполнение или невыполнение хронотопного перевода будет зависеть от уровня подготовки переводчика и ситуации осуществления перевода.

На основе анализа инвективной лексики, выявленной в постфольклорных текстах, результатов психолингвистического эксперимента и лингвокультурного анкетирования, подтвердивших, что наши современники употребляют инвективную лексику в повседневной жизни, был сделан вывод о патологии языка и речи как отклонении от общепринятых языковых норм, которые проявляются на разных уровнях языковой системы – фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом и семантическом. Патология языка и речи отражает состояние общества в целом, отклонения от языковой нормы являются индикаторами социальных, культурных, политических изменений и проблем современного общества.

В Заключении подводятся итоги проведенного исследования, намечаются перспективы дальнейшей научной работы. В результате комплексного описания научных подходов, раскрывающих различные аспекты рассматриваемой проблемы, различных тенденций исследования проблемы диахронической семантики постфольклорного текста и стремления к их узкоспециальному описанию был сделан вывод о необходимости объединения достижений различных научных направлений (в том числе философии языка, семантики, прагматики, семиологии, концептуальной лингвистики, когнитивной лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии, переводоведения) и разработки системного представления процесса каждого нового прочтения текста, равного его переводу на язык нового времени и/или пространства (хронотопному переводу).

Выполненное исследование направлено на преодоление сложностей изучения смысла слова как единицы диахронической семантики, которые обусловлены неустойчивостью смысла, несоответствиями языковых систем, допускающих неоднозначное толкование слов, выражений и постфольклорных текстов в целом, а также многочисленными теоретическими и методологическими лакунами в этой области.

Актуализация изучения постфольклора во всем его многообразии, исследований диахронической семантики постфольклорного текста, направленных на изучение сохранения смысла и его интерпретации в текстах разных жанров и форм, позволили сформулировать **перспективы исследования**. Концепция интерпретативно-сопоставительного представления

диахронической семантики постфольклорного текста дает возможность расширить категориальную парадигму и найти новые подходы к рассмотрению таких сложных явлений переводческой деятельности, как вариативность и качество перевода, неисчерпаемость оригинала, система ценностей переводчика. Углубление исследования энтропии языка, а именно трансляционной энтропии, представляет интерес при изучении трансляционного изоморфизма, который имеет смешанное происхождение. В плане изучения современного фольклора возможна доработка классификации постфольклорных текстов до состояния логически стройной и непротиворечивой системы. Изучение перевода не только как вида профессиональной деятельности и способности, но и как функции открывает возможности более детального исследования особенностей этого процесса как обмена между различными знаковыми системами, ментальными субстанциями, как нахождения соответствия в пространстве культуры, науки и образования.

Основные результаты работы отражены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ

1. Ильина, Л. Е. Паремии в русском и французском языках: сопоставительный анализ / Л. Е. Ильина // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2017. – № 1. – С. 25-33 (0,9 п.л.).
2. Ильина, Л. Е. Выявление духовных ценностей в текстах семейных преданий / Л. Е. Ильина, Т. С. Ившина // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7, № 3 (24). – С. 41-45 (0,8 п.л./ автор. вклад 0,4 п.л.).
3. Ильина, Л. Е. Классификация колыбельных песен на основе эволюции жанра / Л. Е. Ильина // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 3 (82). – С. 509-511. (0,6 п.л.)
4. Ильина, Л. Е. Функции колыбельных песен с позиций аксиологии / Л. Е. Ильина // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 5 (90). – С. 315-317. (0,83 п.л.)
5. Ильина, Л. Е. Энтропия текста как рассеивание смысла / Л. Е. Ильина, О. Е. Павловская // Вестник САФУ. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2023. – № 23(6). – С. 77-86. (0,8 п.л./ автор. вклад 0,6 п.л.) **(К1)**.
6. Ильина, Л. Е. Семантические коды постфольклорных текстов / Л. Е. Ильина // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 2 (99). – С. 447-449. (0,5 п.л.) **(К2)**.
7. Ильина, Л. Е. Постфольклорный сюжет «делать уроки»: прагматический аспект // Л. Е. Ильина // Вестник Костромского государственного университета. – 2023. – Т. 29, № 2. – С. 141-149 (0,9 п.л.) **(К1)**.
8. Ильина, Л. Е. Антропология и этнология как научные основы гуманитарных исследований: на примере трудов французских ученых / Л. Е. Ильина, Л. В. Ромасенко // Филология и человек. – 2023. – № 4. – С. 153-168 (0,9 п.л./ автор. вклад 0,8 п.л.) **(К2)**.
9. Ильина, Л. Е. Дискурсивный анализ постфольклорных текстов / Л. Е.

Ильина, Е. А. Волкова // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 5 (102). – С. 259-262 (0,6 п.л./ автор. вклад 0,3 п.л.) **(К2)**.

10. Ильина, Л. Е. Деструктивные элементы постфольклора: лингвокультурный контекст / Л. Е. Ильина // Вестник Костромского государственного университета. – 2023. – Т. 29, № 4. – С. 168-175 (0,85 п.л.) **(К1)**.

11. Ильина, Л. Е. Постфольклорный текст: лингвоаксиологический аспект / Л. Е. Ильина, О. Е. Павловская // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – №2. – С. 419-422 (1,0 п.л./автор. вклад 0,8 п.л.) **(К1)**.

12. Ильина, Л. Е. Постфольклорные тексты как язык повседневности / Л. Е. Ильина // Вестник КГПУ им. Астафьева. – 2024. – №3. – С. 123-131 (0,5 п.л.) **(К2)**.

13. Ильина, Л. Е. Текстовый сегмент какосферы как пространство зла / Л. Е. Ильина // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 5 (108). – С. 373-375 (0,7 п.л.) **(К1)**.

14. Ильина, Л. Е. Особенности перевода постфольклорного текста / Л. Е. Ильина // Современный ученый. – 2024. – № 7. – С. 89-95 (0,6 п.л.) **(К2)**.

15. Ильина, Л. Е. Концептуальная метафора как воплощение смысла постфольклорного текста / Л. Е. Ильина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2024. – № 4. – С. 82-97 (1,3 п.л.) **(К2)**.

16. Ильина Л.Е. Смысл слова как единица диахронической семантики // Глобальный научный потенциал. – 2025. – № 4. – С. 293-298 (0,5 п.л.) **(К2)**.

Монографии

17. Ильина, Л. Е. Паремии о культуре общения в русском и французском языках / Л. Е. Ильина // Стратегии общей и частной теории текста : монография : в 4 частях / под редакцией Л. В. Путиловой. – Москва : Интернаука, 2020. – Ч. 4. – С. 59-74 (2,3 п.л.)

18. Ильина, Л. Е. Особенности городских легенд, характеризующие их содержание, бытование и динамику изменений / Л. Е. Ильина, Е. А. Шигаева // Стратегии общей и частной теории текста : монография : в 5 частях / под редакцией Л. Е. Ильиной. – Оренбург : ОГУ, 2022. – Ч. 5. – С. 66-108. – Зарегистрировано в ФГУП НТЦ «Информрегистр» (2,0 п.л. /автор. вклад 1,5 п.л.).

19. Ильина, Л. Е. Ценностное лингвокультурное содержание и особенности бытования постфольклорных текстов (на примере семейных преданий) : монография / Л. Е. Ильина. – Москва : ИНФА-М, 2024. – 205 с. (9,1 п.л.).

Статьи в изданиях научной базы Web of Science

20. Ilyina, L. E. Semantic codes of folklore and modern folklore texts / L. E. Ilyina, E. V. Golovina, T. Yu. Sumtsova // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2020. – Vol. 83. April: PhR 2019 Philological Readings. – P. 456-462 (0,4 п.л. /автор. вклад 0,3 п.л.).

Статьи в сборниках научных трудов и материалы конференций

21. Ильина, Л. Е. Язык как отображение культурно-национальной ментальности его носителей / Л. Е. Ильина // Наука и образование: фундаментальные основы, технологии, инновации : сборник материалов международной научной конференции : в 3 частях. – Оренбург : ОГУ, 2010. – Ч. 3. – С. 116-121 (0,45 п.л.).
22. Ильина, Л. Е. Диалог культур как способ мышления «человека культуры» / Л. Е. Ильина // Аксиология университетского образования : материалы международной научной конференции : в 2 частях. – Оренбург : ИПК ГОУ ОГУ, 2011. – Ч. 2. – С. 62-66 (0,3 п.л.).
23. Ильина, Л. Е. Концепт «молитва» в православной культуре России / Л. Е. Ильина, М. Исаева // Православие и культура славян в Южно-Уральском регионе : материалы IX Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1150-летию славянской письменности и Дню славянской письменности и культуры в Оренбуржье. – Оренбург : Университет, 2013. – С. 227-238 (0, 8 п.л./ автор. вклад 0,6 п.л.).
24. Ильина, Л. Е. Перевод реалий в научном историческом дискурсе / Л. Е. Ильина // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: V Бодуэновские чтения : труды и материалы Международной конференции, Казань, 12-15 окт. 2015 г. / под общей редакцией К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Г. А. Николаева. – Казань : Казан. (Приволж.) федер. ун-т. – 2015. – Т. 1. – С. 145-147 (0,4 п.л.).
25. Ильина, Л. Е. Паремии о культуре общения в русском и французском языках / Л. Е. Ильина // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: V Бодуэновские чтения : труды и материалы Международной конференции, Казань, 12-15 окт. 2015 г. / под общей редакцией К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Г. А. Николаева. – Казань : Казан. (Приволж.) федер. ун-т. – 2015. – Т. 1. – С. 148-151 (0,5 п.л.).
26. Ильина, Л. Е. Семейные предания как средство изучения особенности языковой и культурной ситуации региона / Л. Е. Ильина // Языковая норма и речевая практика в Оренбургском регионе : материалы Международной научной конференции, Оренбург, 14 окт. 2016 г.: в 2 частях. – Оренбург : Оренбургская книга. – 2016. – Ч. 1. – С. 68-71 (0,6 п.л.).
27. Ильина, Л. Е. Механизмы формирования духовных ценностей в текстах семейных преданий / Л. Е. Ильина, Т. С. Ившина // Наука и инновации в XXI веке: актуальные вопросы, открытия и достижения : сборник статей X Международной научно-практической конференции, Пенза, 27 сент. 2018 г. / ответственный редактор Г. Ю. Гуляев. – Пенза : Наука и Просвещение. – 2018. – С. 141-144 (0,25 п.л./ автор. вклад 0,125 п.л.).
28. Ильина, Л. Е. Применение золотой пропорции в исследованиях текста / Л. Е. Ильина, Т. С. Ившина // Российская наука в современном мире : сборник статей X Международной научно-практической конференции, Москва, 20 июня 2017 г. – Москва : Актуальность.РФ, 2017. – С. 208-210 (0,28 п.л./ автор. вклад 0,18 п.л.).

29. Ильина, Л. Е. Семейные предания как способ изучения языковых и культурных традиций / Л. Е. Ильина // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры : материалы Всероссийской научно-методической конференции, Оренбург, 1-3 февраля 2017 г. – Оренбург : ОГУ, 2017. – С. 2362-2366 (0,3 п.л.).
30. Ильина, Л. Е. Образ семьи в русской, немецкой и английской лингвокультурах / Л. Е. Ильина // Образование: вчера, сегодня, завтра : материалы XII научно-практической интернет-конференции / составители Е. Г. Пластун [и др.]. – Оренбург : ООДТДМ. – 2018. – С. 130-138 (0, 65 п.л.).
31. Ильина, Л. Е. Отражение опыта межкультурного взаимодействия в семейных преданиях жителей Оренбуржья / Л. Е. Ильина // Вестник Оренбургской духовной семинарии. – 2018. – Вып. 1 (9). – С. 190-199 (0,7 п.л.).
32. Ильина, Л. Е. Лингвострановедческие комментарии при переводе исторических произведений / Л. Е. Ильина // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры : материалы Всероссийской научно-методической конференции с международным участием, Оренбург, 23-25 янв. 2019 г. – Оренбург : ОГУ, 2019. – С. 2375-2380 (0,4 п.л.).
33. Ильина, Л. Е. Репрезентация образа семьи в европейской литературе XIX-XX веков / Л. Е. Ильина // The scientific heritage. – 2019. – No 31. – P. 69-72 (0,5 п.л.).
34. Ильина, Л. Е. Христианские колыбельные песни / Л. Е. Ильина, Т. Ю. Сумцова // Вестник Оренбургской духовной семинарии. – 2019. – Вып. 2 (11). – С. 323-329 (0,3 п.л.).
35. Ильина, Л. Е. Аксиологический аспект колыбельной песни как жанра фольклора / Л. Е. Ильина // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. –Т. 8, № 4(29). – С. 243-247 (0,8 п.л.).
36. Ильина, Л. Е. Образ Бабы-Яги во французской культуре / Л. Е. Ильина, М. А. Погосян // Филологические чтения : материалы международной научно-практической конференции. – Оренбург : ОГУ, 2019. – С. 422-425 (0,33 п.л./автор. вклад 0,2 п.л.).
37. Ильина, Л. Е. Образ женщины в семье на примере русских и французских пословиц / Л. Е. Ильина, В. А. Зобова // Семья в современном мире : материалы Всероссийской научной конференции I Социологические чтения памяти В. Б. Голофаства. – Санкт-Петербург : Реноме, 2019. – С. 127-132 (0,32 п.л./автор. вклад 0,13 п.л.).
38. Ильина, Л. Е. Лингвокультурологический анализ стихотворения Л. В. Фирсова «Херсонес – Херсон – Корсунь» / Л. Е. Ильина // Мир Евразии: от древности к современности : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 05 марта 2020 г. / ответственный редактор Р. Р. Тухватуллин. – Уфа : БашГУ, 2020. – Т. 1. – С. 156-166 (0, 5 п.л.).
39. Ильина, Л. Е. Прототипический подход в изучении номинаций мифологических персонажей (на материале армянской и французской лингвокультур) / Л. Е. Ильина, М. А. Погосян // Актуальные проблемы речевой

- культуры будущего специалиста : материалы II Республиканской студенческой научно-практической конференции, посвящённой 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и 100-летию юбилею Донецкого национального технического университета, Донецк, 18 мая 2020 г. – Донецк : ДонНТУ, 2020. – С. 182-184 (0,3 п.л. / автор. вклад 0,15 п.л.).
40. Ильина, Л. Е. Особенности постмодернистского понимания дискурса / Л. Е. Ильина, Е. А. Шигаева // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры : материалы Всероссийской научно-методической конференции с международным участием, Оренбург, 26-27 янв. 2022 г. – Оренбург : ОГУ, 2022. – С. 231-235 (0,3 п.л. / автор. вклад 0,15 п.л.).
41. Ильина, Л. Е. Приемы передачи российских реалий на французском языке в рассказе Веры Урусовой «А la Foire De Simbirsk» / Л. Е. Ильина, М. А. Вергизова // Филологические чтения : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Оренбург, 2022. – С. 28-31 (0,3 п.л./ автор. вклад 0,18 п.л.).
42. Ильина, Л. Е. Мифологические локации: проблемы интерпретации / Л. Е. Ильина, Р. Р. Каримов // Актуальные проблемы романской филологии : материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 18 марта 2022 года г. – Минск : МГЛУ, 2023. С. 24-30 (0,4 п.л./ автор. вклад 0,26 п.л.).
43. Ильина, Л. Е. Работа с постфольклорными текстами на занятиях по иностранному языку / Л. Е. Ильина, Е. А. Шигаева // Актуальные проблемы романской филологии : сборник научных статей / ответственный редактор Н. В. Лещенко. – Минск : МГЛУ, 2023. – С. 157-161 (0,3 п.л. / автор. вклад 0,15 п.л.).
44. Ильина, Л. Е. Объем и содержание понятий «святотатство», «богохульство», «кощунство» в русском языке / Л. Е. Ильина // Таинство слова и образа : материалы научно-богословской конференции кафедры филологии Московской духовной академии, 24-25 ноября 2022 г. – Сергиев Посад : Московская духовная академия, 2023. – С. 37-52 (0,55 п.л.).
45. Ильина, Л. Е. Классификация дискурсов в постмодернистском понимании / Л. Е. Ильина, Е. А. Волкова // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка : сборник научных статей / научный редактор А. В. Рудакова. – Москва : РИТМ, 2024. – Вып. 10. – С. 324-328 (0,42 п.л. / автор. вклад 0,21 п.л.).
46. Ильина, Л. Е. Повседневность войны в постфольклорных текстах // Православие в России и за рубежом: богословие, история, культура, межрелигиозный диалог : материалы международной научно-практической конференции, 26-27 февраля 2025 г. – Оренбург : Оренбургская духовная семинария, 2025. – С. 141-151 (0,4 п.л.).